

Андрей Деркач

Достаточный изоляционизм

Сборник геополитических эссе

Киев
Информационно-издательская группа «ТелеграфЪ»
2003

Деркач А. Л.

Достаточный изоляционизм. Сборник геополитических эссе. – К.: ТелеграфЪ, 2003. - 192 с.

Книга известного украинского политика и общественного деятеля, лидера движения «В Европу – вместе с Россией» Андрея Деркача посвящена проблемам геополитики XXI века, а также наиболее острым вопросам внешней политики Украины. В традициях школы классической геополитики рассматриваются такие неоднозначные проблемы, как внеблоковый статус, создание континентальной «оси стабильности», евроинтеграционные процессы. Монография будет интересна не только профессиональным дипломатам и политологам, а и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами международных отношений.

SBN 966-96325-0-1

© Деркач А. Л., 2003

© «ТелеграфЪ», 2003

Посвящается светлой памяти Василия Деркача, отстаивавшего свои убеждения в самые страшные годы.

ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИКИ

В СССР читателя и зрителя перенасытили информацией о международных событиях. Имели советские люди и возможность регулярно знакомиться с геополитическим анализом – на страницах журналов, газет, по телевидению. Иногда такой анализ был довольно скучным, иногда подавался в неплохой литературной обработке Мэтора Стурра, Анатолия Зорина или Виктора Шрагина, но абсолютно все происходившее в мире оценивалось тогда с позиции «единственно правильной» доктрины. В независимой Украине публично анализировать международную политическую ситуацию почти перестали. Возможно, свою роль сыграл тот факт, что предлагавшаяся ранее точка зрения на мировую политику оказалась явно несостоятельной. Кроме того, в первые годы после обретения государственности трудно было определить место, которое предстоит занять в мире самой Украине, – где уж тут заниматься проблемами, что возникают вдали от наших границ. А если кто ими и интересовался, то выборочно – отдельной страной или отдельным регионом (как говорится, по долгу службы) – и как бы со стороны (по принципу: моя хата с краю). Но Украина – большое европейское государство, расположенное на геополитически важном перекрестке Западной Европы и Евразии, и поэтому она не может не оказаться в центре взаимопересекающихся и часто противоречивых интересов сразу многих стран и международного сообщества в целом. Не сможем мы отсидеться, как на хуторе, в стороне от глобальных процессов. И руководствоваться во внешней политике принципом «и нашим, и вашим» тоже не удастся. Нам придется разработать собственную внешнеполитическую стратегию, и очень важно, чтобы процесс формирования такой стратегии был публичным. В этой связи книга Андрея Деркача «Достаточный изоляционизм» должна многих заинтересовать. В опубликованных в этом сборнике геополитических эссе читатель без труда сможет увидеть общую концепцию внешней политики Украины, которую готов предложить автор. Эта концепция заслуживает пристального внимания сама по себе, но особый интерес она представляет еще и потому, что Андрей Деркач – авторитетный политик, лидер партии «Трудовая Украина» – самой крупной партии парламентского большинства, позиция которой влияет на политику украинского государства. Иными словами, предлагаемая в этой книге авторская концепция вполне может быть реализована.

О месте Украины в современном мире речь идет сразу в нескольких эссе. Подробнее всего автор анализирует эту тему в самых, на мой взгляд, принципиальных статьях этого сборника – «Формула стабильности» и «Европейский выбор Украины». Мне весьма импонирует стремление Андрея Деркача исходить в своей оценке роли Украины в мировой геополитике не из каких-то абстрактных соображений, а из вполне конкретных реалий. «Выбор государством союзников и партнеров не является случайным, – пишет он, – как правило, они определены самим его географическим месторасположением и историческим развитием». Очевидно, самой историей предопределен долговременный характер наших культурных и экономических связей с Россией. «Историческая взаимосвязанность интересов Украины и России аксиоматична, – утверждает автор сборника, – обе они принадлежат к единому восточнославянскому православному цивилизационно-культурному типу, являющемуся составной полифонической частью европейской мегацивилизации». На мой взгляд, говорить о единой европейской цивилизации пока рано. Многие русские и европейские историки и философы признавали наличие особых – западноевропейского и евразийского – культурных пространств на континенте. Об этом говорили и писали Шеллинг, Шпенглер, Бердяев, Тойнби, «евразийцы» и др. При этом никто из них никогда не отрицал, да и не мог, естественно, отрицать общего христианско-эллинистического происхождения русской и романо-германской культур. Но что точно не вызывает сомнения, так это многовековая и всеохватывающая связь Украины с Россией, которая, несмотря на сложности нашей

совместной жизни в рамках Российской, а затем советской империи, на долгие годы и десятилетия вперед, безусловно, будет определять характер взаимоотношений между нашими государствами. Очень хотелось бы, чтобы это были отношения стратегического партнерства, дружественных связей и, обязательно, взаимного уважения. Увы, и у нас, и в России есть немало людей, в том числе и ведущих политиков, которые на это смотрят иначе. В Москве не все еще осознали то, что Украина – суверенное государство со своими интересами, в чем-то отличными от российских. Там часто пытаются, по-советски, поглядывать на нас сверху вниз, как на неразумного младшего брата. А в Киеве и Львове немало тех, кто связывает будущее Украины с необходимостью жестко отгородиться от России. Запад для них важен, прежде всего, как нечто, противодействующее российскому влиянию. Автор книги совершенно справедливо считает, что никаких оснований противопоставлять России Западную Европу нет.

И Россия, и наша страна уже выбрали стратегическое направление своего развития – это путь в демократическую социально-рыночную Европу. «Украина является континентальным срединноевропейским государством, – считает Андрей Деркач, – и ее экономические и политические интересы теснейшим образом связаны с Европой». Здесь хочется напомнить, что автор книги не только теоретизирует на данную тему, он является председателем межфракционного депутатского объединения «В Европу – вместе с Россией», которое пытается добиться своей цели на практике.

Андрей Деркач говорит о вполне конкретных экономических обоснованиях украинского курса на одновременное стратегическое партнерство как с Россией, так и с Евросоюзом. Он подчеркивает, что реализация доктрины «В Европу — вместе с Россией» имеет не только внешне-, но и внутривнутриполитический аспект. Она должна способствовать демократизации нашей страны, преодолению тех негативных явлений, что привнесены в нашу жизнь стараниями национал-радикалов (речь, в частности, идет об искусственно насаждаемом монолингвизме). Крайне важна, по мнению Андрея Деркача, унификация нашего внутреннего законодательства в соответствии с европейскими стандартами. В эссе «Европейский выбор Украины» автор предлагает совершенно конкретную программу действий, направленных на евроинтеграцию, и эта программа, на мой взгляд, вполне могла бы стать одним из важнейших элементов украинской политической доктрины.

Мне представляется особенно интересной нетипичная для наших политиков точка зрения автора на Северо-атлантический союз (НАТО). Большинство наших политических лидеров, как пропрезидентского лагеря, так и оппозиции, рассматривают возможную интеграцию в Евросоюз и НАТО как единый процесс. Автор «Европейского выбора Украины» с этим не согласен. «Что же касается упорного связывания процесса евроинтеграции с вхождением в НАТО, то показателен пример Турции, которую активное членство в Североатлантическом альянсе ни на йоту не приблизило к вхождению в ЕС», – пишет Андрей Деркач. По его мнению, «говорить о сближении Украины с НАТО можно будет только при изменении фундаментальных основ» этой организации, а «подгонять подобное сближение под юбилейные даты, составлять пятилетние планы можно только в состоянии полного невосприятия реальной действительности».

Говоря о возможном вступлении Украины в Евросоюз, Андрей Деркач в то же время предлагает и вполне конкретную программу евроинтеграции, которая может быть реализована независимо от того, примут ли нас в ЕС, и если да, то когда? Он считает весьма перспективным формирование оси «Москва-Киев-Берлин». Если бы движение в этом направлении было успешным, вскоре прорисовались бы вполне отчетливые контуры действительно единой европейской цивилизации – от Атлантики до Урала (точнее, до Тихого океана). Любопытно, что именно при обсуждении проблем нашего континента в этом контексте проявились заинтересованность и способность автора мыслить не только

национальными или региональными, но и общеевропейскими категориями. Ведь речь здесь идет не только о роли Украины, которая могла бы стать мостом, связывающим Россию и Германию, но и о безопасности Европы. Гарантировать ее, полагает Андрей Деркач, могло бы «стратегическое партнерство двух наиболее мощных европейских государств» – ФРГ и Российской Федерации.

Несомненно, интересны и те эссе, где автор критически оценивает характерные, к сожалению, для нашего времени посягательства на суверенитет государств со стороны мировой сверхдержавы и региональных военно-политических блоков. Речь идет о НАТО и Соединенных Штатах Америки, которые весьма агрессивно вели себя во время югославского конфликта и, боюсь, не собираются сдерживать свою агрессивность впредь.

Касаясь исключительно актуальной проблемы глобализации, автор книги очень точно подмечает, что она угрожает государственному суверенитету как таковому. С этим, безусловно, трудно не согласиться, как и с тем, что игнорирование суверенных прав государств может представлять очень серьезную опасность для всей цивилизации. В то же время несомненен и тот факт, что многие диктаторские режимы в своих странах грубо нарушают права человека и основные принципы международного права. Соответственно, на повестку дня встает вопрос о возможности «гуманитарного вмешательства» во внутренние дела таких стран, и от необходимости решать эту проблему нам никуда не деться. Но как определить, кто в этом случае может быть честным и беспристрастным судьей, а кто исполнителем международных судебных решений? Деятельность ООН в этом направлении до сих пор была, к сожалению, малоэффективной, но это вовсе не означает, что эту организацию вправе подменять США и НАТО. Никто им таких прав не предоставлял и предоставить не может. А самозванство в столь серьезном деле категорически недопустимо. Потому что это противоречит основным принципам мирного и безопасного сосуществования наций, и потому что это очень опасно.

Разумеется, решать эти и многие другие, крайне сложные проблемы мировой геополитики международному сообществу еще предстоит, и какими будут решения, сегодня предсказать трудно. Очевидно, что нет готовых ответов на все вопросы и у автора книги. Впрочем, не сомневаюсь, Андрей Деркач и не ставил перед собой такой задачи. Но он, опубликовав эту книгу, начал очень серьезный и важный для всех нас публичный разговор о роли Украины в современной геополитике. Разговор, который, надеюсь, будет продолжен.

Владимир Малинкович, директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований

Покойный И. С. Аксаков любил говорить, что «историческое сознание следует теперь по пятам за событиями». Эта неустранимая потребность сознательного отношения к жизни не может (именно вследствие силы своей) удовлетворяться только одними объяснениями прошедшего, но ей естественно нужны и реальные пророчества будущего, хотя бы ближайшего.

Без какого-нибудь, хотя бы и неясного, плана и в старину не действовали, тем более необходимы теперь эти планы, эти теории. Они должны быть в наше время даже много яснее прежних, избегая только, с одной стороны, излишнего предрешения подробностей, а с другой – не забывая силы сроков.

Константин Леонтьев, «Записки отшельника»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень часто бывает так: в дискуссии, открытую кем-то в целях поиска истины, включаются те, кому истина представляется слишком очевидной, чтобы ею интересоваться. Но дискуссия обязательно содержит конфликт, а это — всегда замечательная возможность для самолюбования.

Разговор по существу исчерпывается быстро, и голоса разумных его участников перестают быть слышны. А то, что было дискуссией, превращается в бесконечный поток взаимных подозрений, обвинений и оскорблений. Наилучшим примером такого развития событий может служить дискуссия о цивилизационном выборе Украины, в настоящее время сводимая одной из сторон спора к совершенно искусственно выстроенной антитезе «Европа или Россия».

Для многих политиков слишком привлекательно выглядит возможность выстраивания внешнеполитического курса Украины на основе акцентирования примитивно интерпретируемого хаттингтоновского понятия «цивилизационных разломов». А ведь уникальность Украины состоит в том, что она является связующим звеном, естественным консолидирующим элементом единого евразийского пространства. Уверен, Украине предстоит сыграть уникальную по своей важности роль – не допустить появления новых разделительных линий на континенте. А сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений то, к каким глобальным катастрофическим последствиям это может привести.

Упомянутое противопоставление, кроме того, лишь подтверждает глубокую неискренность некоторых участников спора; очевидно, что говоря о «Европе», они имеют в виду не реально существующий образ жизни и действующие геополитические конструкции, а некие отвлеченные идеологические схемы, утверждение которых на территории Украины призвано разрешить все наши проблемы само собой. Несмотря на то, что эти схемы не имеют сколько-нибудь весомого влияния ни на мировую, ни на европейскую политику, для определенных кругов они являются гораздо большей реальностью, чем скучная действительность. Борьба с «азиатским империализмом» или «утверждение стандартов западной цивилизации» куда как романтичнее рутинной кропотливой законодательной работы.

Другим, не менее важным фактором, обусловившим нагромождение ошибок во внешней политике Украины, является непонимание большей частью отечественного политического эстэблишмента самих основ геополитики. Геополитика – научная дисциплина и требует серьезных познаний в истории, философии истории, экономике. Требуется точности в формулировках и выверенности предлагаемых сценариев. Для украинских же политиков, как правило, все ограничивается ритуальными заклинаниями, и серьезный анализ геополитической ситуации и, следовательно, вытекающих из нее необходимых конкретных действий не проводится. Сложившееся положение дел, несомненно, нуждается в исправлении пока хотя бы на уровне определения понятийного аппарата.

Я неоднократно писал на геополитическую проблематику в ведущие издания Украины и России – «Кіевскій телеграфЪ», «Независимую газету», «Известия», «Зеркало недели» и ряд других. И просматривая недавно старые вырезки, увидел, что собранные вместе публикации выстраиваются в довольно целостную систему украинской геополитики. Это и подвигло меня к изданию данной книги, составленной, в основном, из материалов, напечатанных 2-3 года назад, но не утративших своей актуальности. Скорее напротив, сейчас, например, европейская «ось стабильности» Москва-Берлин-Париж выходит на стадию непосредственной реализации, а также еще более понятно становится, к каким трагическим последствиям приведет нарушение нейтрального статуса Украины.

Правки вносились лишь в незначительной степени в сторону расширения – для объяснения с помощью геополитического инструментария некоторых элементов текущей политики, в том

числе иракского кризиса, ставшего знаковым в истории современности и продемонстрировавшим окончательное складывание новой геополитической конфигурации на планете. К некоторым темам, как например, концепция геостратегической стабильности континента, турецкий путь в ЕС или сравнительный анализ действий демократической и республиканской администрации, я специально возвращался в разных эссе, рассматривая их под разными углами, что в конечном итоге дало возможность получить максимально полное представление о различных аспектах геополитики и их движущих силах.

Главная же цель данной книги – дать основанную на реалиях современности, комплексную трактовку фундаментальных понятий геополитики и одновременно помочь процессу принятия конкретных политических решений. Учитывая, что в геополитике факторы внутреннего влияния играют при определенных обстоятельствах не меньшую роль, чем внешние, в геополитических эссе затрагивается и ряд ключевых аспектов внутренней политики.

Насколько удалось задуманное – судить читателям. Могу повторить только вечную мудрость: «Я сделал все, что мог – кто может, пусть сделает лучше»...

Андрей Деркач

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

ФОРМУЛА СТАБИЛЬНОСТИ

Стратегическое сотрудничество Германии, Украины и России обеспечит безопасность и развитие континента

Геополитика без мистики

Беда классической геополитики в том, что часто ее тезисы абсолютизацией доводились до гротеска и, благодаря подобной интерпретации, выводились из серьезного научного оборота и практического использования. Однако никакая неумеренная активность адептов не способна дискредитировать сами основы традиционной геополитики Карла Хаусхофера, построенные на обоснованном положении, что интересы государства во многом определяются его географическим положением и всем комплексом связанных с этим факторов — климатических, экономических, этнических и многих других. Если не вносить в геополитические построения ненужной мистики, к чему склонны некоторые поклонники учения, предпочитающие делать выводы исключительно на макроуровне, то на их основе может быть выстроена действующая «реал политик». При любом общественном строе и изменяющихся внешних обстоятельствах Германия, Россия и Франция оставались континентальными государствами, Великобритания — островным, а Турция имела территории как в Европе, так и в Азии, что определяло направление развития их экономики, военно-стратегическое положение и отношения с внешним миром. **Таким образом, выбор государством союзников и партнеров не является случайным, как правило, они уже определены самим его географическим местоположением и историческим развитием.** Правда, зачастую на первый план выступает субъективный фактор, связанный с позицией определенной части властной элиты, пытающейся в основу национальной политики заложить свои личные интересы, не обязательно совпадающие с общегосударственными, либо далекое от жизни идеологическое мифотворчество.

Иногда оба эти влияния объединяются, что чревато общегосударственной катастрофой. Яркий пример подобного насилия над реальностью представляла собой Украина первых лет независимости: несмотря на объективную заинтересованность в сохранении экономической кооперации с Россией, государственным руководством проводилась открыто конфронтационная антироссийская политика, нанеся огромные ущербы экономике и значительно затруднившая процесс интеграции в ЕС.

В целом, не вызывает сомнения правильность основного положения геополитики о «морских» и «континентальных» государствах, интересы которых ориентированы по разным векторам. В рамках этой концепции становятся понятными и постоянная «особая позиция» Великобритании в ЕС, и противоречия между США и Евросоюзом, и постоянное тяготение России и Германии ко взаимному сближению.

Украина является континентальным срединноевропейским государством, и ее экономические и политические интересы теснейшим образом связаны с Европой. Еще более конкретно — прежде всего с Россией и Германией, отношения между которыми все более приобретают характер стратегического партнерства. **Задача государственно мыслящих отечественных политиков состоит в переводе этой аксиомы в русло практических действий, без чего невозможно становление Украины в качестве влиятельной европейской державы.**

«Железный канцлер» и Владимир Путин

Взаимопритяжение России и Украины, с одной стороны, и Германии — с другой, берет начало еще в эпоху наполеоновских войн. Именно Россия и Пруссия были наиболее заинтересованы в ликвидации навязывания воли одной страны континенту, а дополнительную активность их сотрудничеству придавала выгодность проводимых торговых операций. Продолжил развитие этой традиции отец германского единства — канцлер Отто фон Бисмарк, при котором окончательно определились главные связующие нити российско-германского партнерства: взаимная заинтересованность в режиме стабильности на континенте, недопущение навязывания ему воли третьих держав, взаимовыгодные рынки сбыта и общая экономическая взаимодополняемость. «Железный канцлер» понимал, что односторонняя ориентация Германии только на Запад Европы не может быть достаточной, без сотрудничества с Востоком континентальная стабильность будет невозможна. Первая мировая война прервала бисмарковскую традицию, но вскоре она была восстановлена, причем с **включением дополнительного элемента геополитической конфигурации в виде независимой Украины, призванной играть роль своеобразного моста в германо-российском стратегическом альянсе.** В 1918 году прагматически настроенные военные и дипломаты кайзеровской Германии решительно выступили против введения оккупационной администрации в Киеве, и во многом благодаря помощи, оказываемой Украинской Державе гетмана Павла Скоропадского, Украина стала оазисом благополучия среди заливаемых кровью просторов бывшей Российской империи. Особо следует отметить, что гетман, добившийся чрезвычайно значимых успехов в государственном строительстве, был последовательным и непримиримым противником антироссийской внутренней и внешней политики. Он планировал свою стратегию, исходя из необходимости будущего партнерства независимой Украины с возродившейся великой Россией и опорой в европейской политике на германо-российский союз. Гетманская держава пала под напором подпитываемых из-за рубежа экстремистских узконационалистических сил, но ее внешнеполитические подходы не ушли в историческое небытие. На наших глазах оправдываются внешнеполитические прозрения непонятого великого гетмана — все более реальные черты приобретает стратегическое партнерство, особенно в экономической сфере, между Германией, Россией и Украиной.

Показательно, что ориентацию немецких властных элит на равноправное сотрудничество с Востоком не смогла сломить даже гитлеровская диктатура, и борьба с фашистским тоталитаризмом проходила при понимании того, что будущая демократическая Германия должна выстраивать свою европейскую политику в тесном сотрудничестве с Россией. Руководитель попытки антигитлеровского переворота 20 июля 1944 года (в котором, кстати, активную роль играл сын Хаусхофера), ставшей исходной точкой процесса внутреннего духовного возрождения Германии, полковник Клаус фон Штауффенберг выступал категорически против переговоров о перемирии только с западными союзниками, понимая, что будущая Европа не должна быть разделена разграничительной линией на восточной границе.

Традиция Штауффенберга постепенно приобретает в воссоединенной Германии статус государственной доктрины, на которой основывается принятие конкретных внешнеполитических решений. Достаточно хотя бы процитировать официальную концепцию ХДС-ХСС, в которой совершенно недвусмысленно отмечается, что «единственную возможность не допустить возвращения к довоенной системе, в которой Германия находится на границе между Востоком и Западом, предоставляет интеграция центрально- и восточноевропейских соседей Германии в европейскую послевоенную систему и выстраивание широкомасштабного сотрудничества с Россией».

В целом ситуация, сложившаяся после распада Советского Союза и возникновения независимых России и Украины, сделала заветы континентального сотрудничества еще более

актуальными, связав воедино факты истории с событиями сегодняшнего дня.

Обеспечивающая континенту стабильное развитие и безопасность геополитическая ось «Берлин-Киев-Москва» из области абстрактных построений переходит в реально проводимую политику.

Интеграция через сохранение суверенитета

В определенных кругах существует непоколебимое убеждение, что в объединенной Европе перестают действовать закономерности традиционной геополитики. Или другими словами, что при действующей схеме евроинтеграции роль отдельных государств полностью нивелируется. Подобная концепция видит в евроинтеграционизме процесс отрицания национальных суверенитетов и дальнейшего существования национальной государственности. Именно подобные подходы порождают набирающий силу в европейских странах «евроскептицизм», крайнее течение которого отрицает интеграцию как таковую. На самом деле **евроинтеграция ни в коей мере не противоречит сохранению национального суверенитета и не отменяет исторически сложившегося понимания национальных суверенитетов.** Это процессы не взаимоисключающие, а взаимодополняющие.

Глобализация мировой экономики, вызовы современности, будь то техногенные угрозы или международный терроризм, объективно требуют объединения усилий и проведения скоординированной политики. Эффективным инструментом координации служит Европейский Союз, и участие во всех его институтах отвечает интересам европейских стран. ЕС не является аналогом «плавильного котла»: каждое из входящих в него государств делегирует полномочия, обязательные для проведения скоординированной политики, адаптируя в соответствии с выработанными евростандартами внутреннее законодательство. Евросоюз — международная организация с высокой степенью внутренней координации, но не новая континентальная империя, поглотившая столетиями складывавшиеся государства. Общие интересы ЕС не подменяют собственных государственных интересов, а способствуют их защите в совпадающих плоскостях. При этом направление деятельности Евросоюза не ограничивает собственных внешнеполитических мероприятий суверенных государств, проводимых в рамках согласованного общего курса.

Нельзя не видеть и того, что ЕС сам по себе не может решить все стоящие перед континентом проблемы. Как и любая международная организация во все времена, начиная с благополучно скончавшейся Лиги наций, он склонен к чрезмерной забюрократизированности, частому превалированию второстепенных вопросов и недостаточно быстрому реагированию и последовательности в решении наиболее важных проблем. При любых внутренних расстановках сил у аппарата и руководства международных организаций отсутствует непосредственная ответственность перед гражданами своей страны за принятие и реализацию решений.

Оставаясь реалистами, следует отдавать себе отчет, что изменить здесь ничего нельзя, любые реформы заранее обречены на провал. Международные организации, подобно живым организмам, существуют и развиваются по собственным законам, и есть предел их институциональной перестройке.

В решении тех проблем, где общеевропейские институты не могут действовать результативно, основная роль переходит к континентальным межгосударственным объединениям стран, обладающих наибольшим потенциалом. Единственно возможным вариантом подобного геостратегического альянса, способного гарантировать общеевропейскую безопасность, является ось «Берлин-Киев-Москва». К ней вплотную будет примыкать ряд европейских государств, в первую очередь Польша и Франция, а также «православный пояс» на Балканах, в котором ведущие позиции принадлежат Греции.

Характерно, что во время выступления в бундестаге президент Жак Ширак заявил о необходимости создания так называемой «первоначальной группы» европейских государств во главе с Германией и Францией как основы континентальной интеграции. Афины, в свою очередь, еще в период натовского нападения на Югославию, несмотря на все оказывавшееся на них давление, показали, что будут рассматривать ситуацию в регионе только сквозь призму собственных национальных интересов.

Франко-германо-российский геополитический альянс уже, как показали события вокруг Ирака, является свершившимся фактом, и именно на этой основе будет базироваться безопасность и стабильное развитие континента в XXI веке. То, что этот процесс является уже необратимым, свидетельствуют даже не внешние политические признаки и подписываемые соглашения. Внутренний переворот уже совершился в несравнимо более важной сфере – ментальной. На смену изначально конфронтационному «западному» самосознанию, рассматриваемому как антитеза «восточного», к европейцам пришло осознание своей континентальной общности, осознание единства своих интересов и общности дальнейшего пути. Жители европейских государств в подавляющем большинстве идентифицируют себя теперь не как представители «западного» (а фактически – панамериканского) мира, а именно европейцами, цивилизация которых основана на принципах христианского универсализма.

И бесплодны надежды, что НАТО, выстроенное, исходя из принципов блокового противостояния, и стержнем которого являются США, сумеет обеспечить безопасность континента в новых условиях. Характерно признание министра обороны США Дональда Рамсфелда, вынужденного констатировать невозможность предотвращения актов международного терроризма даже на собственной территории Соединенных Штатов. А сублимация некоторыми правительствами решения внутривнутриполитических проблем демонстрацией верности при любых обстоятельствах евроатлантизму, не может не привести к самым негативным геополитическим последствиям. Не принесет это и стабильности в политической жизни руководимых ими стран. Показательно, что самая массовая демонстрация против начала военных действий в Ираке прошла в столице ближайшего американского союзника – Великобритании.

Европа без внешнего влияния

Континентальная ось позволит реализовать целый ряд задач, жизненно необходимых для стабильного развития ЕС. Это касается как вопросов сугубо экономических, так и политики безопасности. Взаимодействие через Россию и Украину, с одной стороны, и Германию — с другой, экономических потенциалов Организации региональной интеграции и Евросоюза фактически означает создание единого евразийского континентального самодостаточного рынка, что отвечает интересам всех государств, входящих в эти организации.

В области политики безопасности должны будут кардинально видоизмениться существующие военно-политические союзы, действующие, несмотря на проведенные реформы косметического характера, исходя из логики времен блокового противостояния. **Стратегическое партнерство двух наиболее мощных европейских государств является абсолютной гарантией безопасности континента,** результатом чего станет смена двусмысленной евроатлантической интеграции подлинно европейской. Таким образом, станет невозможным настойчивое вмешательство в европейские дела глобалистского лобби США, стремящегося рассматривать континентальное пространство в качестве своей «зоны ответственности». Подобная политика части американского правящего истеблишмента де-факто подрывает общеевропейскую систему безопасности, направляя ее на выполнение функций, связанных с защитой чуждых ей интересов, и вмешательство во внутренние дела европейских государств. Это наносит вред не только Европе, но и самим США, не давая

возможности сконцентрировать усилия на направлениях, реально значимых для национальной безопасности Соединенных Штатов, подтверждением чему является общая нерезультативность даже латиноамериканской политики.

Джордж Буш и Коллин Пауэлл, которые прагматически подошли к внешнеполитическим вопросам, избавляются, хотя и далеко не всегда последовательно, от тяжелого идеологического наследия предшествующей администрации. К сожалению, эта задача чрезвычайно осложнена для Белого дома факторами внутреннего влияния и деструктивной позицией части законодателей.

Кроме того, прагматизм республиканцев в силу ряда причин, в особенности из-за «эксцессов исполнителей», продуцирует в ряде случаев не менее кризисные ситуации планетарного масштаба, чем идеологизированность демократов. И в силу этого, привычными становятся акты неприкрытого давления во внутривластных вопросах или в проблемах взаимоотношений европейских государств друг с другом. Показательным был тот беспрецедентный прессинг, которому подверглась Украина за последовательную поддержку Македонии в борьбе с албанскими террористами, нашедшими надежное убежище в контролируемом силами Североатлантического альянса Косово.

Продолжают подвергаться смертельной опасности в чужих странах за бессодержательный лозунг «миротворчества», прикрывающий многоходовые геополитические игры, и военнослужащие европейских армий, в том числе украинской.

Все это станет невозможным в Европе, в которой главным фактором, определяющим проведение международной политики, будет ее соответствие европейским интересам, а не абстрактным идеологическим построениям. Обеспечить это могут только соединенные усилия Берлина и Москвы, имеющих достаточные экономические и политические ресурсы для защиты своих национальных интересов, а с ними и интересов всей Европы. Украина при этом будет одной из наиболее выигравших сторон, если учесть, что стиль общения с ней определенных сил из Вашингтона более приличествует директивам метрополии протекторату.

Политика четких приоритетов

Для верной оценки ситуации следует ответить на ключевой вопрос: является ли создание «оси стабильности» далекой перспективой или фактом современной политики? Не оставляющий сомнений ответ на этот вопрос дал, без преувеличения, исторический государственный визит Владимира Путина в Германию, содержание которого свидетельствует о создании конструкции стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом, с особой ролью Германии в этом процессе. Президентом России, таким образом, избрано наиболее многообещающее направление евроинтеграции — не через общие декларации о намерениях, а путем налаживания геостратегического союза с Берлином. Наиболее убедительным показателем правильности путинского сценария вхождения России в общеевропейские структуры явилось заключение соглашения о стратегическом партнерстве с ЕС в топливно-энергетической сфере, что имеет непосредственное отношение к интересам Украины как транзитной страны. На наших глазах создается новая Европа, в которой Германия и Россия получают соответствующую их геополитическим возможностям роль. Если Берлин олицетворяет в этой связке Запад Европы, то Москва — Восток, и их рассчитанное на перспективу экономическое и политическое взаимодействие означает подлинное континентальное единство. Что касается Украины, то ее естественная геополитическая роль, наиболее полно реализуемая участием в «оси стабильности» — быть связующим элементом единого континентального пространства, не допустить проведения разделительных линий, появление которых грозит непредсказуемыми последствиями. То, что угроза появления разграничительных, а по сути, конфронтационных линий, отнюдь не

является надуманной, свидетельствует хотя бы популярность среди интеллектуалов многих государств концепции «цивилизационных разломов» Сэмюэля Хаттингтона, являющейся, слегка видоизмененным и адаптированным к стереотипам американского восприятия вариантом «России и Европы» Николая Данилевского.

Украина имеет реальные шансы подключиться к процессу институализации континентального единства, что выведет ее экономику из состояния стагнации и откроет перед ней огромные перспективы. Одновременное участие в экономической деятельности двух наиболее влиятельных континентальных интегрирующих союзов станет началом качественного скачка в развитии национальной экономики. Первые шаги в этом направлении уже сделаны — несомненный динамизм евроинтеграции Украины придаст созданию основанной на экономических реалиях постсоветского пространства Организации региональной интеграции. Это позволит успешно синхронизировать с Россией вхождение в структуры объединенной Европы и проводить европейскую политику с опорой на поддержку российского экономического и политического потенциала, используя одновременно Германию в качестве провайдера своих интересов в Евросоюзе. Кроме того, подобная схема позволит вывести на качественно более высокий уровень отношения со стремительно развивающимися «восточными драконами», которые выходят на ведущие роли в мировой экономике третьего тысячелетия. Сама по себе Украина для них особого интереса в экономическом и внешнеполитическом плане не представляет, но в качестве неотъемлемого элемента мощного и эффективного геостратегического союза она получит все преференции от налаживания подобного глобального сотрудничества с «гигантами Востока». Главное же условие успеха избранной схемы вхождения в Европу — в ее последовательной реализации, несовместимой с проведением каких-либо непродуманных внешнеполитических шагов, подобно полностью дискредитировавшей себя «евроатлантической интеграции» или заведомо непродуктивного вхождения в ЕС через НАТО.

Такие политические метания могут только надолго, если не навсегда, устранить Украину из процесса интеграции в Евросоюз, приведя ее к фактической изоляции на международной арене, причем изоляции отнюдь не «блестящей», а абсолютно контрпродуктивной. Лишенная реальных опор на континенте в виде России и Германии, Украина станет, если использовать терминологию Збигнева Бжезинского, пешкой на большой шахматной доске мировой политики.

Весьма слабой мотивацией выглядят и ссылки на активизацию диалога России с НАТО.

Украине следует исходить в отношениях с Альянсом из собственных национальных интересов, а не чужого опыта, к тому же, превратно понимаемого.

Немаловажным аспектом является то обстоятельство, что ось «Берлин-Москва» без участия Украины будет хотя и функционально неполной, но, в принципе, реализуемой. Россия и Германия могут компенсировать неучастие Украины, и поэтому бесперспективен путь спекуляции своим географическим положением и бесцельного лавирования. Дипломатия далеко не всегда заключается в уходе от определенных ответов, иногда показателем ее профессионализма должно стать четкое определение приоритетов.

Украине следует проявить политическую волю в достижении поставленных целей, так как от результата сегодняшних действий зависит вся ее будущность — станет ли она частью единого европейского экономического и правового пространства или останется «серой зоной» континента. Необходимо руководствоваться национальными интересами страны, а не истериками политических демагогов, делающих бизнес на антироссийской, а по сути, антиевропейской риторике. Только тогда Украина перестанет быть «перекрестным мегаполем», то есть территорией реализации национальных интересов других государств, и на практике войдет в семью европейских народов.

И ПРИОРИТЕТЫ

Украина должна определить свое место в геополитике XXI века

Можно констатировать – обещанного американскими футурологами «конца истории» не состоялось. Фантом «нового прекрасного мира» так и не стал реальностью, да и не мог стать им в принципе. И следует только порадоваться столь быстрому крушению иллюзий, на бессмысленном пути к которым несомненно были бы уничтожены десятки миллионов жизней. Еще предшественник Фрэнсиса Фукуямы, страшноватый мечтатель Томмазо Кампанелла в своем «Городе Солнца» отнюдь не исключал казней «несознательных» граждан, да и окончившийся век продемонстрировал странное свойство глобальных идей неминуемо заканчиваться концлагерями.

Сейчас уже мало у кого, независимо от личной оценки, вызывает сомнение, что **возвращение к традициям классического исторического развития, к бисмарковскому «железу и крови», в том числе в сфере геополитики и межгосударственных отношений в целом, становится доминантой нового столетия.** Яркий пример подобного возвращения дают такие важнейшие стратегические партнеры Украины, как Россия и США. В обеих странах к власти пришли жесткие лидеры, последовательно отстаивающие всеми доступными им способами приоритет национальных интересов над абстрактными догмами, не слишком заботясь при этом о внешней реакции на свои действия.

За время, прошедшее после отставки Бориса Ельцина, новый президент Российской Федерации сумел обеспечить защиту национальных интересов своей страны, пресекая любое внешнее вмешательство во внутренние дела и не впадая в то же время в соблазн тотального изоляционизма. Несмотря на жесткий стиль дипломатии, Москва не только стала динамичным субъектом международных отношений, но и вышла в них на качественно более высокий уровень. Когда речь заходит о жесткости внешнеполитического стиля поведения на международной арене, конечно, на память приходит, в первую очередь, внешняя политика советского образца. Но возвращения к ней как раз и не произошло.

Советская внешняя политика, причем всех периодов государственного существования СССР – от Льва Троцкого до Андрея Громыко, была в значительной степени идеологизированной и поэтому нередко противоречила национальным интересам. Что касается «поздней» советской дипломатии времен Эдуарда Шеварднадзе, Александра Бессмертных и Бориса Панкина, то ее абсолютная аморфность вообще делает бессмысленными любые рассуждения о сколько-нибудь осознанной линии поведения. В ельцинско-козыревском внешнеполитическом курсе была сохранена своеобразная преемственность с классической советской дипломатией, с той лишь разницей, что вместо поддержки мирового коммунистического движения на первое место вышла верность абстрактным идеологическим построениям, ставшим основой проектируемого извне «нового мирового порядка».

Характеризуя сегодняшнюю внешнюю политику России, скорее, можно говорить об определенных параллелях с периодом до катастрофических для государственного бытия революций 1917 года. В «романовский» период Россия, несмотря на серьезную экономическую зависимость от ряда стран Западной Европы, сохраняла в целом необходимую независимость в международных делах. Более того, дружбы и союза с Россией искали как раз те страны, которые были с ней наиболее тесно связаны экономически. Государственный канцлер Российской империи, выдающийся дипломат XIX века Александр Горчаков сказал знаменательную фразу: «Россия не молчит — Россия сосредотачивается» и

восстановил для страны роль важнейшего игрока на мировой арене. После двух катастрофических международных провалов предыдущих десятилетий это стало подлинным прорывом, который поразил весь мир.

Путинская Россия тоже «сосредотачивается», медленно, но уверенно восстанавливая роль великой державы с четко определенными сферами интересов. Москва определилась со своими внешнеполитическими приоритетами, что, в свою очередь, позволило приступить к выработке и проведению конкретных мероприятий. **Путину удалось реально сломать выстроенную демократической клинтоновской администрацией модель однополярного мира и с помощью ряда других региональных центров экономического и военно-политического влияния создать принципиально новый баланс международной стабильности, с которым Вашингтон и НАТО уже не могут не считаться.**

Навстречу внешнеполитическим планам России теперь готовы двигаться и США, что декларируется почти открыто. Естественно, речь не идет о благотворительности, Белый дом не отдает позиции, а требует взамен уступок по ряду проблем, но новый характер отношений, когда уже и речи не может быть о диктате, симптоматичен сам по себе. В Вашингтоне обозначился отход от курса глобализма, поглощавшего все больше средств и не дававшего ожидаемой отдачи. Приняв на себя роль всемирного миротворца, Билл Клинтон слишком далеко ушел от защиты собственно национальных интересов своей страны. Стремясь быть сильными везде, на всей планете, Соединенные Штаты на практике демонстрировали слабость и непродуманность внешнеполитического курса, а как следствие — непоследовательность, поверхностность оценок, неучитывание национально-исторических особенностей стран и регионов, с которыми приходится иметь дело, и неадекватное применение силовых методов, вплоть до отсутствия конечных целей в той или иной военной акции.

Ситуация с Ираком, несмотря на почти повсеместное осуждение действий США, не опровергает, а подтверждает этот тезис. Если агрессия против Югославии противоречила реальным геополитическим интересам США и была вызвана неадекватно идеологизированным восприятием мира, то мотивация действий в иракском вопросе вызвана, несмотря на внешний антураж, сугубо экономическими интересами, центром которых является жизненная необходимость для американских корпораций резкого снижения цен на нефть и усиления своих позиций в ближневосточном регионе.

Джордж Буш изменил курс внешней политики, который теперь строится на принципиально иных концептуальных основах. В этом отношении характерно заявление руководителя «мозгового центра» Белого дома – президентского советника по национальной безопасности Кондолизы Райс. По ее словам, сказанным вскоре после назначения, внешняя политика республиканской администрации будет «базироваться на твердой почве национальных интересов, а не интересов некоего иллюзорного международного сообщества». Утверждение более чем показательное, фактически это вся внешнеполитическая концепция Джорджа Буша в концентрированном изложении.

Исходя из таких установок, Вашингтон до определенной степени дистанцировался от европейских проблем, предоставив Евросоюзу возможность самостоятельно нести финансовое, а также, в некоторой степени, и военное бремя по обеспечению безопасности региона.

Соединенные Штаты с помощью перегруппировки сил и ресурсов попытались с большей эффективностью защищать свои геостратегические интересы в других регионах планеты, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке. Но эффект получился во многом неожиданный для США. Некоторое, пусть даже пока не особо значимое отстранение от европейской политики имело эффект, явно не прогнозируемый американскими аналитиками. Резко возросла самостоятельность двух крупнейших западноевропейских

государств – Германии и Франции, которых уже явно не устраивает былое полуподчиненное положение в НАТО. Соединенным Штатам пришлось срочно компенсировать подобное «евроатлантическое диссидентство» противопоставлением «Старой Европе» (по их представлению одряхлевшей) натовских неофитов из Центрально-Восточной Европы, предпочитающих американскую ориентацию в расчете, что сверхдержава компенсирует проявленную преданность. Компенсирует в том числе и направлением финансовых потоков (как вариант можно рассматривать возможное перебазирование на их территорию военных баз). Другим противовесом амбициям Берлина и Парижа явилось тесное блокирование с правительствами, испытывающими серьезный внутривнутриполитический кризис (Испания и частично Италия), что подталкивает их к поиску поддержки у Вашингтона.

В целом, глубокий системный кризис НАТО налицо, и как бы события не развивались в будущем, былой монолитности в блоке уже не будет, что в перспективе кардинально меняет всю континентальную геополитическую конструкцию.

Как неизбежное следствие таких перемен – на европейском континенте возрасли геостратегическая роль и влияние России, без участия которой теперь невозможно построение действенной системы общеевропейской безопасности и стабильное развитие континента в целом. Именно сейчас могут оказаться востребованными идеи, высказанные еще Шарлем де Голлем о Европе «от Атлантики до Урала».

Возникшие новые геополитические реалии в целом благоприятны для Украины. Конечно, переговорный процесс с ведущими мировыми игроками стал более трудным, но исторический опыт свидетельствует, что договариваться с государственными лидерами, которые четко осознают национальные интересы своих стран, и достигать с ними взаимовыгодного понимания, реализуемого в конкретной политике, значительно легче, чем с «политиками-идеологами».

Однако самое главное последствие для Украины изменившейся расстановки сил в мире состоит в том, что нам необходимо четко и однозначно определить свои внешнеполитические приоритеты. **На практике это означает необходимость пересмотра понятия «многовекторности» и придания ему адекватного времени содержания.** Этот курс сыграл свою положительную роль в условиях, когда Россия и США пытались найти новое понимание своих внешнеполитических задач. Но в изменившихся условиях его уже нельзя трактовать как простую равноудаленность одновременно от Москвы и Вашингтона. При этом важно иметь в виду, что некоторые отправные точки для скорректированного внешнеполитического курса Киева так или иначе уже определены, им лишь стоит придать основополагающее значение. **Прежде всего, это скоординированная с Россией интеграция в континентальные политические и экономические структуры, полное вхождение в правовое поле объединенной Европы.**

При этом нельзя забывать, что сама природа европейской интеграции не предполагает нивелирования отдельных составляющих. Примером этому является постоянная «особая позиция» в ЕС Объединенного Королевства, ярко проявившаяся в иракском вопросе, что тем не менее не подрывает единства Евросоюза как главной составляющей экономико-политической интеграции континента.

Поэтому **гарантия успешного пути Украины в Европу — в максимальной активизации отношений с каждым конкретным членом Евросоюза, с учетом их значения для развития нашей страны.** Ни для кого не секрет, что одним из ведущих моторов евроинтеграции с самого начала является Германия, и при этом она же — крупнейший экономический и естественный геостратегический партнер Украины. Иными словами, выстраивание и развитие геостратегических отношений с Берлином поможет Киеву проложить свой путь в Европу.

Этот выбор можно осуществить только вместе с Россией, которая сама активно стремится к развитию связей с Европой, и, кстати, именно Германия уже более десяти лет остается ее главным экономическим партнером на Западе. Без тесного сотрудничества с Москвой Украина обречена на вечное прозябание в арьергарде стран, безнадежно стоящих в очереди на вступление в Евросоюз. Таким образом, европейское и российское направления внешней политики Киева не только не антагонистичны, они представляют собой единое целое. Полноценное вхождение совместно с Россией в европейские структуры станет фактором, дающим возможность решать многие внутривнутриполитические проблемы, снять существующую в обществе напряженность. В первую очередь это касается языковой проблемы, ставшей за годы независимости по вине имевших властные полномочия национал-радикалов серьезным раздражителем в украинско-российских отношениях. Единственно возможное ее демократическое решение — безусловное применение уже наработанных по этому вопросу в Евросоюзе и Совете Европы правовых норм. И означает это не ограничение национального суверенитета, а признание верховенства тех принципов, на которых строится объединенная Европа, без чего Украина не сможет стать ее частью. Применение в Украине европейских правовых норм позволит свободно развиваться как украинскому, так и русскому языку, поможет в трудном процессе формирования гражданского общества, где единство и осознание общности интересов не исключает, а предполагает признание индивидуальности отдельных его членов.

Убежден: долг каждого политика, сознающего свою ответственность перед будущим страны, — сделать все от него зависящее, чтобы любой гражданин Украины пользовался полнотой своих прав, независимо от языка и этнической принадлежности. А полноценное существование русского языка в Украине — это важнейшее связующее звено с Россией, без тесного партнерства с которой невозможно вхождение в Европу.

Последовательное проведение такой политики нуждается в таком же последовательном исполнении решений, уже принятых на высшем уровне. К примеру, соглашения, заключенные президентами Украины и России, во многих случаях не доводятся до стадии непосредственной реализации из-за пассивности или сознательного игнорирования бюрократического аппарата, часто действующего в узкокорыстных интересах отдельных финансово-политических кланов. Единственную возможность преодолеть откровенное нежелание чиновников выполнять свои прямые обязанности вижу в создании совместного украинско-российского органа, который будет иметь полномочия контролировать все государственные органы в части исполнения решений, принятых главами государств, и подчиняться непосредственно им.

Кроме того, **особо важным условием активного развития как украинско-российских отношений, так и других стратегически важных направлений международного курса Украины, является официальное принятие новой доктрины внешней политики, причем ее положения и терминологический ряд должны быть абсолютно четкими, не оставляющими возможностей для двусмысленных толкований.**

Пока же ситуация, сложившаяся в украинско-российских отношениях отнюдь не исключение. Отношения со странами ЕС и многими международными организациями носят сугубо формальный характер. Много ли за последнее время мы слышали о практической деятельности украинских представителей в такой важнейшей для нас организации, как МАГАТЭ? Ничего, кроме «туристических» поездок делегаций, оплачиваемых из госбюджета. Впрочем, что еще можно ожидать, когда Украину в МАГАТЭ «по совместительству» представляет посол в Австрии. Подобное совместительство было оправдано, когда посольство в Вене возглавлял один из авторитетнейших украинских дипломатов Юрий Костенко, но совершенно бессмысленно в нынешней кадровой ситуации.

Не менее бессодержательна работа отечественной дипломатии и в международных культурных организациях. Нет даже слабого подобия выработки собственной позиции и использования в национальных интересах Украины значительного потенциала этих влиятельных структур.

В дальнейшем для того, чтобы не допустить таких явлений и преодолеть непрофессионализм и бездеятельность чиновников, можно было бы создать структуры, подобные предлагавшейся выше украинско-российской, с участием представителей Евросоюза, отдельных его членов, других стран и международных организаций, отношения с которыми будут определены действительно приоритетными для нашей страны.

XXI век для Украины будет не менее жестким, чем ушедший XX, и мы должны быть готовы принять вызовы новой эпохи. Иначе отставание во времени станет безвозвратным, а потери станут невозполнимыми.

ДОСТАТОЧНЫЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

Украина должна сосредоточиться на себе

Так было во время начала Первой мировой войны — в генштабах были разработаны планы военных действий лишь на несколько месяцев, никто не думал, что боевые действия могут растянуться на годы, приобретая все большую жестокость. Не порадовали ответственные лица и во время несравнимо более кровопролитной Второй мировой, которую сначала просто не ждали, а потом готовились вести по канонам войны предыдущей. А систему международной безопасности в первые полтора десятка лет ядерной эры приходилось выстраивать, балансируя на грани термоядерного апокалипсиса. Но уже то, что большой войны не произошло, было успехом. В результате, подходы этого периода к решению международных проблем стали догмой. Неподъемность нынешних геополитических задач как раз и состоит в том, что от привычных догм придется отказаться. По крайней мере, от двух.

Догма первая, сложившаяся за тысячелетия, заключается в том, что *войны ведутся только с государствами или, по крайней мере, с чем-то цельным.*

Говорить о том, что США, пребывающие в постиндустриальной фазе развития, могут серьезно вести войну с живущим в условиях средневековья Афганистаном, просто смешно, как смешно утверждать, что такое государство, как Афганистан, пусть даже под властью безумных талибов, чем-то угрожало Соединенным Штатам. Война идет (с какими целями — это уже другой вопрос) против транснациональной террористической организации или даже целой сети таких организаций, главные центры которых находятся далеко от театров военных действий.

Вести с этой сетью и этими людьми войну в горах с помощью высокотехнологичных бомб и ракет не имеет смысла. Такая широкомасштабная операция может быть оправдана только в одном случае: если она прикрывает другую, тайную. Ее с помощью авианосцев и больших войсковых соединений не проведешь, здесь нужны аналитики спецслужбы и небольшие спецподразделения. Такую операцию в свое время (но после 15 лет бесплодной войны) осуществила Турция, захватив лидера Курдской рабочей партии Абдуллу Оджалана.

Догма вторая. Она касается представления, что *враг может быть повержен на поле битвы военными средствами.*

Может быть повержено государство. Сейчас же главной угрозой международной стабильности является не отдельное государство или группа государств, даже не относительно немногочисленная организация террористов, а десятки миллионов людей, не воспринимающих тот новый мир, который волна глобализации несет им с Запада. Убеждение, что, покончив с одним или даже тысячами террористов, можно выиграть войну, — опасная иллюзия. Сложнейшую проблему взаимодействия разных миров, конфликт мировосприятий пытаются решить самым простым, но и самым неэффективным способом. Однако, как известно, за самые простые решения приходится платить самой дорогой ценой. Ведь никто не задается сейчас вопросом, что движет людьми, до сих пор устраивающими массовые демонстрации в поддержку бен Ладена в Пакистане, Индонезии, Малайзии. Получается, что их всех тоже нужно записать в террористы. Дело в том, что хотя многие лидеры и члены террористических организаций происходят из сверхбогатых стран Персидского залива, массовую социальную базу (а это именно люди, поддерживающие «Аль-

Каиду Аль-Джихад») они находят не у себя на родине, а в слаборазвитых, но цивилизационно самостоятельных регионах планеты, в том же Афганистане. Это не только реакция, вызванная некой системной завистью бедных к богатству развитых стран современного мира. Линия разделения проходит здесь значительно глубже и основывается не только на материальных, но и духовных факторах. Речь идет о набирающем обороты противостоянии Юг-Север, полностью заменившим былую линию идеологического раздела Запад-Восток. Хотя и в сугубо экономическом отношении нельзя считать нормальным, что 19% мирового населения обладают 82,7% мирового валового национального продукта, а 500—800 миллионов людей в мире хронически недоедают и имеют ограниченный доступ к питьевой воде.

Еще раз подчеркну – противостояние не исчерпывается только разницей в уровне потребления, как пытаются представить американские политологи. «Юг» – не только территория слаборазвитых стран, во многом именно здесь сохраняются древние традиции, ставшие основой мировых религий и великих цивилизаций. Поэтому речь идет о цивилизационной агрессии против традиционных культур, всего основанного на них ментального комплекса, не вписывающегося в концепцию мира глобального потребления. Мира, в котором меньшинство будет диктовать свою волю всем остальным.

«Север» не реагировал на все более явственные опасные сигналы, и как следствие — противостояние приобрело радикальные формы. **Без решения острейших социальных проблем, без преодоления разрастающейся пропасти между «золотым миллиардом» и остальным миром, без прекращения попыток унификации всего человечества под стандарты «Rax Americana» говорить о победе в войне с международным терроризмом бессмысленно.**

Однако даже если ответственные лица найдут в себе силы отказаться от привычных догм в мировой политике, это будет лишь частичным решением проблемы. Главное решение Запад должен поискать у себя. Ведь недаром террористы находят приют, живут и работают в западном мире. Они сами – продукт этого мира, который проникает во все уголки планеты.

Информационный террор

Кстати, именно глобальное информационное поле — часть культуры этого мира — донесло до обывателя события 11 сентября. На этом и строился расчет террористов. За ними был только первый шаг. Далее дело должны были вершить (и действительно вершат) средства массовой информации, порождая где оправданный, а в подавляющем большинстве случаев неоправданный и парализующий страх перед террористами-монстрами.

События в США и последовавшая за ними паника сделали очевидным еще один факт — журналисты оказались не готовы к работе в условиях глобальной информационной взаимозависимости. Трагедия «Норд-Оста» еще раз это подтвердила. Речь идет не столько о профессиональных навыках, а о необходимости в новых условиях с особенной тщательностью следовать этическим принципам. Непроверенная информация и нагнетание страстей становятся реально опасными и приносят ощутимые экономические потери (достаточно привести как пример падение курса доллара после 11 сентября, вызванное паническими комментариями СМИ, или помогавший террористам прямой эфир с Дубровки). Вообще, **проблема безопасности напрямую связана тем, что общество существует сегодня в едином информационном пространстве.** Современные технологии по мгновенной передаче и обмену данными сделали возможным осуществление информационного воздействия как на отдельные группы, сообщества людей, так и на население всей планеты в целом. И в этом случае мы можем и должны говорить о том, что **это воздействие дает возможность манипулировать сознанием огромного количества людей, фактически определять ход истории.**

Впечатляющей иллюстрацией этих новых возможностей и стали поразившие весь мир террористические акты в США. Сейчас мир охвачен волной страха перед возможностью бактериологических диверсий, бактериологической и химической войны. И уже непонятно, в какой последовательности происходили события. То ли террористы действительно вынашивали планы заражения большого количества людей бациллами сибирской язвы и отравления рицином, то ли средства массовой информации, предположив возможность подобного развития событий, указали террористам на «плодородную почву» массового психоза.

И была ли это утечка информации, или же процессы глобализации сыграли с землянами злую шутку — узнать это теперь, скорее всего, уже невозможно.

Ведь для запуска «цепной реакции» достаточно маленькой информационной «искорки». Статистика свидетельствует: 5—7% населения всегда недовольны существующим положением вещей, еще 3% — являются не совсем психически полноценными людьми и всегда готовы к проявлению агрессии. И стоит в эту среду проникнуть провокационной информации, как в обществе начинает разгораться массовый психоз. Это реально действующий механизм, существующий в современном мире. Естественно, что организованный терроризм, с которым мы имеем дело сегодня, хорошо знает об этих особенностях и эффективно использует и свое знание, и соответствующие группы населения. Не является исключением в этом вопросе и пространство бывшего СССР. Ситуация здесь усугубляется еще и тем, что население республик Советского Союза всегда отличалось высоким творческим потенциалом и стремлением к изобретательству. Невостребованные государством способности вполне могут найти себе иное применение.

Кроме того, на страхе перед терроризмом можно прекрасно заработать политический капитал.

Политики и государственные деятели получили прекрасный повод поиграть в активность. Вспомним, как после 11 сентября каждое украинское ведомство, начиная от СНБО и заканчивая МЧС, посчитало своим долгом отчитаться за большую работу на такой благодатной ниве, как борьба с терроризмом. Разумеется, это самая удобная позиция, позволяющая замаскировать главное — все структуры, отвечающие за безопасность государства (от военной до экологической), безнадежно устарели. О какой готовности предотвращать теракты и бороться с их последствиями можно говорить, если даже с последствиями наводнений (не говоря уже о том, чтобы подумать о возможности их предотвращения) справиться не можем. А в военной безопасности все более чем достаточно убедились после ряда учений ПВО Украины и скниловской трагедии.

И, кстати, вряд ли, уровень как военной, так и техногенной безопасности Украины повысит традиция создавать специальные государственные комиссии по любому чрезвычайному происшествию. Своей деятельностью, активно используемой для PR-а, они скорее способствуют возникновению искаженных толкований и введению общественности в заблуждение.

Также немаловажно, что на основе материалов отечественных СМИ может сложиться впечатление, что Украина находится на переднем крае борьбы с терроризмом. Необходимо отметить и все чаще проявляющуюся деструктивную роль СМИ в формировании общественного мнения. Так, развивая тему геополитической важности Украины в происходящих процессах, масс-медиа подталкивают ряд государственных чиновников к высказыванию суждений, а в некоторых случаях и инициированию действий, не соответствующих реальной роли и весу нашей страны в мировом сообществе. Их комментарии по своей масштабности и решительности больше подошли бы представителям мощных и процветающих стран, озабоченных кризисом перепроизводства, чем госслужащим «государства с переходной экономикой».

Это в полной мере относится и к заявлениям о возможном участии украинских миротворцев в урегулировании международных конфликтов. Очевидно, что украинцев, желающих принять участие в подобных операциях, подтолкнула бы к этому не ненависть к международному терроризму, а экономическая ситуация в стране и невозможность заработать себе на «хлеб насущный».

Вот и выходит, что, предлагая ввести украинские войска, например, в Абхазию, украинские политики просто спекулируют на мировой нестабильности.

Они не могут осознать простой истины — в данном случае мы должны благодарить Бога, что влияние нашей страны слишком ограничено, чтобы она стала мишенью для международных террористов. Но очень многие политики нас почему-то подталкивают туда, где нас на самом деле не ждут, и «добровольное» участие Украины в лучшем случае воспримут как нежелательную обузу.

От субъекта к объекту

Пора бы уже отказаться от «советского синдрома» и понять, что Украина — не Советский Союз, чье заявление по любому поводу, а тем более действие определяло мировую политику. **Украинское государство — не субъект, а объект международных отношений, и это обстоятельство необходимо обернуть себе же на пользу.** У нас есть время и возможность сосредоточиться на решении массы внутренних проблем. Необходимо хотя бы пунктирно наметить важнейшие из них:

- *Техногенная безопасность объектов стратегического значения* (составление их полного перечня, а также комплекса необходимых мер для обеспечения их безопасности, выделение достаточного финансирования).
- *Этническая составляющая организованной преступности, ее связь с партиями и общественными организациями в Украине и за рубежом* (определение реальных масштабов явления, комплекс мер для борьбы с ОПГ и выделение для этого достаточных средств).
- *Локализация проблем, возникающих на национальной и религиозной основе и прогнозирование развития ситуации в этой сфере.*

Украина — уникальное сообщество, где в мире живут представители десятков национальностей. Но некоторые недобросовестные политики вновь и вновь поднимают тему национальной принадлежности жителей Украины. Зададимся вопросом: если мы строим демократическое гражданское общество, то о каком принципе крови, например, при занятии государственных постов можно говорить? Кто будет определять процент украинской крови? Татарской, еврейской, русской?

- *Готовность к решению проблем, возникающих в результате конфликтов за рубежами Украины* (проблемы беженцев, а также приток «грязных» денег).

Необходимо провести комплексный анализ ситуации в граничащих с Украиной регионах мира. Отдельно по Европе, Турции, России и т. д. Государственные органы должны прогнозировать, как там будет меняться ситуация. У нас много говорят о мощном оборонном потенциале и способности Украины нанести ответный удар, но кому, кто наш вероятный противник, и есть ли он вообще? Об этом все молчат.

Сейчас на фоне усиливающейся нестабильности ряда регионов континента наиболее актуальной является проблема появления в Украине новых беженцев. Но по-настоящему оценить ее в Украине не может никто. Она просто не исследована. Никто не знает, например, какое количество беженцев для Украины является критическим, сколько она может принять, и какая помощь, в том числе международная, нашему государству потребуется, чтобы их принять и разместить? Да и следует ли их вообще принимать, возлагая на себя заботы экономически сверхблагополучных стран?

— *Борьба с наркоторговлей, становящейся все более серьезной угрозой самому существованию нации.*

У нас много говорят о реформе образования, молодежной политике. Но при этом стыдливо умалчивают о том, что подавляющее большинство юношей и девушек к моменту окончания школы уже прекрасно знакомы с наркотиками, по крайней мере, с легкими их видами. А политики проливают лицемерные крокодиловы слезы по поводу судьбы наркокурьера Виктории Мамонтовой, осужденной в Таиланде за хранение более чем килограмма героина. В Украине — это целое состояние. И строится оно на трагедии тысяч и тысяч преимущественно молодых людей — будущего нашего народа. Я согласен с министром внутренних дел России Борисом Грызловым, сказавшим, что если бы наркоманы ходили на выборы, то легко могли бы провести в парламент свой партийный список. Или кто-то этого действительно хочет?

— *Готовность государства к защите экономических интересов, в том числе осуществление национальной антиимпортной программы стратегического характера.*

Сейчас цифровые показатели стабильности курса гривни и роста валового продукта не учитывают баланс экспорта-импорта по видам продукции — будь то продовольствие, бытовая техника или сырье. В недалеком будущем это может иметь самые негативные последствия.

Сама антиимпортная программа должна реализовываться с учетом всех сопутствующих факторов. Если отечественного производителя защищать по принципу «все средства хороши», то завтра возникнет вопрос: почему сталь, которая производится в Украине, никому не нужна? Соответственно, далее возникнет проблема возрастающей безработицы, и пойдет очередной виток ухудшения экономической ситуации.

Большое внимание также нужно уделять и дифференцированию подходов в вопросах, касающихся нашего критического импорта. Так, например, в кризисных ситуациях Украина сможет в какой-то степени обеспечить себя энергоносителями. А вот насколько обеспечено государство с точки зрения продовольственной безопасности — неизвестно, из-за того что Госрезерв длительное время являлся полукommerческой структурой.

Особо следует подчеркнуть необходимость выработки комплексной антиимпортной программы, обязательно включающей в себя перечень конкретных антиимпортных мероприятий. Без этого движение Украины к членству в ВТО так и останется на уровне декларативных заявлений, не имеющих никакой практической подоплеки. Создание Организации региональной интеграции существенно облегчает реализацию данной задачи, и необходимо, чтобы ее деятельность ушла от ставших уже привычными в деятельности надгосударственных структур формально-трафаретных подходов.

— *Кардинальная перестройка функций всех государственных органов в соответствии с новой концепцией национальной безопасности с учетом глобальных изменений на мировой арене.*

С одной стороны, перед нами стоит задача построения открытого гражданского общества, а с другой — необходимо уделить максимум внимания обеспечению национальной безопасности. Несомненно, здесь наличествует противоречие, и его необходимо разрешить с минимально возможными потерями. Поэтому нужна совершенно новая система взаимодействия в треугольнике: политическая власть — органы, отвечающие за национальную безопасность — граждане. При этом она должна быть ориентирована в первую очередь на защиту граждан.

Одновременно давно пора подумать о серьезной перестройке всей инфраструктуры безопасности. Она должна быть мобильной, хорошо управляемой и немногочисленной. Чего ни одно из заинтересованных ведомств сейчас обеспечить не может и не хочет. В первую очередь потому, что речь пойдет о радикальном сокращении руководящих должностей.

— *Создание возможностей для развития отечественной науки.*

Эта сфера напрямую связана с обеспечением национальной безопасности. Необходимо четко отработать вопросы финансирования исследований в области высоких технологий, вложения денег в базовые отрасли науки, определить перспективы развития научной мысли в Украине. Без этого общество не сможет двигаться вперед, нормально развиваться. Пока движение идет по инерции, но дальше неминуемо последует остановка, и наверстать упущенное будет уже невозможно.

Сегодня только идут разговоры о том, что в Украине, по крайней мере в отраслях, связанных с безопасностью государства, поддерживается научная сфера. Финансирование осуществляется по остаточному принципу, и в результате государство делает вид, что выделяет на науку деньги, а наука делает вид, что развивается.

Особо следует подчеркнуть, что политикам и государственным деятелям надо бы подумать о предотвращении угрозы появления масштабного внутреннего терроризма (по типу итальянских «Красных бригад» или неофашистов, немецкой «Фракции красной армии» или французской «Аксьон директ»), питательной почвой для которого служат те же нерешенные социальные проблемы, питающие терроризм международный.

Одного беглого взгляда на этот перечень достаточно, чтобы понять, какие проблемы сейчас стоят перед Украиной. На их решение уйдет не один год. Но те, кто толкает государство к т. н. «активной внешней политике», просто прикрывают этим нежелание их решать. В то же время для Украины начала XXI века наиболее приемлемой является совершенно другая политика, которую я бы назвал политикой «достаточного изоляционизма», который ни в коем случае не следует путать с контпродуктивным изоляционизмом «тотальным». **Украина должна сосредоточиться на себе. Только став экономически, политически и психологически самодостаточной, Украина может встать рядом с равными ей по потенциалу европейскими партнерами.**

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ

Синхронизированная с Россией интеграция в евроструктуры усилит позиции Украины в Европе

Появление доктрины «В Европу — вместе с Россией» стало серьезным историческим этапом не только для Украины, но и в целом для процесса становления объединенной Европы, образования единого континентального экономико-политического пространства. Вне этой геополитической схемы любой проект объединенной и стабильной Европы будет заведомо ущербен, так как никакое прочное объединение европейских государств невозможно без России и Украины, традиционно являющимися неотъемлемыми элементами безопасности континента. Ее реализация позволяет обеспечить, с одной стороны, геостратегическую стабильность и эффективное функционирование ЕС, с другой — поэтапное и органическое вхождение Украины и России в экономические и политические структуры Евросоюза.

Евроатлантический блеф

Подобный системный поход, обеспечивающий соблюдение взаимосвязанных интересов Украины, России и европейских стран в целом, вполне логично вызвал ожесточенное противодействие лоббистов так называемой «евроатлантической интеграции». Для определенных политических сил в Украине и за ее пределами стало привычным маскировать подобным невнятным определением курс подмены интеграции в ЕС вхождением в НАТО и проведения четко выраженной политики конфронтации с Россией. Не стоило бы, вероятно, останавливаться на «глубокомысленных» замечаниях некоторых деятелей, что с тем же успехом Украина может «интегрироваться в Европу с Малайзией», если бы это так ярко не иллюстрировало уровень, на котором проходит отрицание единственно возможной для Украины интеграционной доктрины. Подчеркну — доктрины, лишенной внутренних противоречий и отвечающей ожиданиям подавляющего большинства населения нашей страны.

Сравнение в любом контексте роли России для Украины с далекими экзотическими государствами свидетельствует не только о крайнем уровне невежества, но и о вполне сознательном желании сделать нашу внешнюю политику лишенной геополитической и ментальной основы.

Историческая взаимосвязь интересов Украины и России аксиоматична, обе они принадлежат к единому восточнославянскому православному цивилизационно-культурному типу, являющемуся составной полифонической частью европейской мегацивилизации. Если же взять сугубо экономические аспекты двустороннего сотрудничества, то переплетение экономик отнюдь не является «колониальным наследием», как это представляется страдающим комплексом национальной неполноценности псевдополитикам, а подтвержденной временем объективной необходимостью. Разрыв экономических связей с Россией будет государственной катастрофой для Украины — адекватную им замену невозможно найти даже теоретически. Не видеть этого нельзя — можно не хотеть этого видеть...

Что же касается упорного связывания процесса евроинтеграции с вхождением в НАТО, то показателен пример Турции, которую активное членство в Североатлантическом альянсе ни на йоту не приблизило к вхождению в ЕС. Вообще, **говорить о сближении Украины с НАТО можно будет только при изменении ее фундаментальных основ, соответствии их концепции безопасности мира, пережившего трагедию 11 сентября.** Подгонять подобное

сближение под юбилейные даты, составлять пятилетние планы можно только в состоянии полного невосприятия реальной действительности. Кстати, опыт Анкары показателен еще в одном отношении — сейчас уже ясна ошибочность взятой ею стратегии на получение статуса ассоциированного члена ЕС как переходной ступени к полноправному членству. Несмотря на все усилия Турции, этот неправильный шаг фактически заморозил ее отношения с Евросоюзом при отсутствии реальной перспективы изменения сложившейся конфигурации. Поэтому наша задача состоит не в достижении полумер, а в получении полноправного членства в ЕС.

Курс новой России

Немаловажно отметить, что доктрина «В Европу — вместе с Россией», в отличие от лозунга «евроатлантической интеграции», не имеет неакцентируемых скрытых смыслов, а более конкретно — не означает маскируемого курса на вхождение в Союз России и Беларуси.

Синхронизированный с Россией процесс евроинтеграции — это не скрытая интеграция в Союз России и Беларуси, а составная часть европейского выбора Украины, отсутствие которой приведет к дальнейшей стагнации Украины на задворках Европы.

В России понимание целесообразности данной политики уже перешло от стадии заявлений и деклараций к этапу реализации. Совершенно логичным результатом прагматических действий является заключение особого стратегического партнерства России с ЕС в топливно-энергетической сфере, что имеет непосредственное отношение к интересам Украины как транзитной страны.

Уже сейчас можно констатировать, что благодаря правильно выбранному внешнеполитическому курсу и его скрупулезно выверенной реализации Россия после бессодержательной пассивности в течение ряда лет вышла на уровень субъектности в мировой политике, что в первую очередь проявляется в ее роли в процессе евроинтеграции. Для Украины это пока далекая перспектива, и нельзя уйти от признания нашей безусловной объектности.

Евроинтеграция сквозь призму суверенитета

Немаловажно также отметить, что синхронизированный с российским стратегическим партнером курс на вхождение в экономические и политические структуры объединенной Европы находится, в отличие от других предлагаемых сценариев развития, в полном соответствии со статусом Украины как нейтрального внеблокового государства и, что не менее важно, не нарушает ее национального суверенитета. Синхронизированная с Россией политика евроинтеграции позволит Украине избежать неприемлемого для независимого государства югославского пути вхождения в ЕС, проводимого путем разрушения единого государства и отказа от защиты национальных интересов. Эта проблема отнюдь не является надуманной — политический хаос и тяжелейший экономический кризис в Сербии является подтверждением этому.

Впрочем, в европейских государствах все более крепнет понимание тупиковости мондиалистского пути отрицания национального суверенитета. Политики, пусть даже весьма влиятельные (например, Йошка Фишер), видящие конечным пунктом европейской интеграции создание единого государства с президентом во главе, находятся в европейском политикуме в явном меньшинстве. К тому же здесь скорее основную роль играют не столько принципиальные, сколько терминологические расхождения относительно создания единого европейского экономического, социального и культурного пространства и понимания сути федеративного объединения, которое не является отрицанием национальных суверенитетов. Украина сможет успешно отстаивать свои интересы только вместе с Россией, засвидетельствовавшей свою приверженность именно данному пути вхождения в Европу.

Таким образом, доктрина «В Европу — вместе с Россией» имеет не только внешне-, но и глубокое внутривластное содержание. Более того, ряд наиболее болезненных проблем страны не имеют приемлемого решения на внутреннем уровне и нуждаются в применении не противоречащих Конституции Украины внешних факторов.

Украина имеет слишком сложную и чувствительную внутреннюю геополитическую конфигурацию, которая при определенных условиях потенциально угрожает началом процесса неконтролируемого деления. Региональные различия, в условиях стабильности только укрепляющие силу государства, при превалировании неблагоприятных факторов становятся отправной точкой раздробления страны. Если на мировой арене ведущие геополитические игроки увидят в нестабильной Украине угрозу для благополучия континента, то с их подачи может начаться цепная реакция местных сепаратизмов с последующим разделом сфер влияния. Подобная опасность, к сожалению, не является абстрактной. Уже сейчас некоторые аналитики в зарубежных центрах принятия решений считают Украину наиболее конфликтно-неблагополучной зоной континента, причем скептически настроены относительно ее внутреннего потенциала оздоровления. Исходя из этого, все действия украинских политиков должны быть направлены не на конфликт, а объединение и консолидацию украинской политической нации. Только такой путь позволит сохранить целостность и единство страны. В практической сфере следует сконцентрировать все усилия на решении проблем, влекущих за собой рост внутренней напряженности. Причем их надо решать в сжатые сроки, а не консервировать, что только увеличивает разрушительную силу конфликтного потенциала.

Достаточно привести хотя бы пример со статусом русского языка, придание которому официального статуса поддерживает большая часть населения Украины. Стараниями национал-радикалов, блокирующих принятие любых вариантов, нарушающих искусственно возводимый монолингвизм, не отвечающий интересам ни русскоязычных, ни украиноязычных граждан, становится малореальным решением проблемы на внутреннем уровне.

Не вызывает сомнения, что наилучшее решение вопроса находится в плоскости приведения законодательства Украины в соответствие с общеевропейскими демократическими нормами посредством ратификации Европейской Хартии региональных языков. Таким же образом легко разрешаются все проблемы, ставшие предметом внутривластного противостояния. Бессмысленно устраивать политические дискуссии, не приводящие к конкретным результатам и только способствующие усилению дестабилизации государства. Достаточно просто унифицировать отечественное законодательство в соответствии со стандартами ЕС, что одновременно является и обязательным условием для вступления Украины в Евросоюз. Исходя из этого, можно констатировать, что унификация законодательства является прежде всего внутренним процессом.

В первую очередь, должны быть созданы юридические гарантии, что государство, наконец, станет уважать право собственности, а не рассматривать ситуацию в данной сфере в контексте «феодала» и «арендаторов». Таким образом, после установления сугубо правового подхода к вопросам собственности во всех ее аспектах станет возможным и установление реального, а не декларативного контроля над действиями властных институтов, которые на всех уровнях пытаются использовать автократические принципы управления. Лишенные наиболее весомых рычагов финансово-экономического давления, они будут просто вынуждены принять и остальные основы европейского правового общества. Именно в этом, а не в малосодержательных и, зачастую, лицемерных истериках по поводу свободы СМИ заключается подлинный путь к скорейшей интеграции в структуры Евросоюза.

Недооценка необходимости изменения внутреннего законодательства, уход от решения насущных для общества вопросов чреваты самыми серьезными последствиями, как это было продемонстрировано успехом Жан-Мари Ле Пена на парламентских выборах.

Французы в своей массе проголосовали за лидера «Национального фронта» не из-за приверженности ксенофобским идеям. Просто действующая власть и традиционные партии длительное время уходили от решения вопросов, волновавших рядовых избирателей. В первую очередь это касалось гарантий личной безопасности граждан, ставших весьма условными при динамике роста насильственных преступлений. Бездействие власти породило разочарование в ней, и НФ, предлагающий иллюзорно простые решения, приобрел немало сторонников. Дополнительная причина роста популярности французских ультра — опасения, связанные с боязнью утраты национальной идентичности и суверенитета в процессе нарастающей глобализации, неумение правительства убедительно развеять эти страхи, показать положительные аспекты проходящей евроинтеграции. Учитывая французский опыт, для Украины представляется еще более очевидной позиция выработки синхронизированной с Россией политики евроинтеграции, позволяющей сохранить национальный суверенитет как основную гарантию обеспечения личной безопасности граждан.

ЕС и ОРИ

Не менее верно данное положение и в экономических аспектах евроинтеграции, которые имеют ключевое значение для процесса в целом. **Экономические позиции Украины в странах Евросоюза и ЕС в целом определяются ее статусом транзитной страны в процессе транспортировки на Запад энергоносителей.** Будучи реалистами, нельзя не отдавать себе отчета в том, что ни промышленность, ни сельское хозяйство Украины в обозримой перспективе не будут представлять интерес для ЕС. Он объективно не заинтересован в развитии потенциальных конкурентов, и было бы наивно ожидать крупных западных инвестиций как единственного спасения от экономического кризиса. Эти отрасли экономики Украины нуждаются в реализации параллельного курса — воссоздании комплексной экономической интеграции и взаимодействия на постсоветском пространстве, что возможно наиболее эффективно реализовать в рамках Организации региональной интеграции. Активное, экономически и исторически обоснованное сотрудничество в этой организации Украины со своими евразийскими партнерами, создание с ними общего экономического пространства значительно усилит ее позиции на внешних рынках. При этом всестороннее украинско-российское сотрудничество в рамках ОРИ стратегически важно для интеграции в ЕС, который всегда более склонен считаться с консолидированной экономической силой.

Для ЕС, в отличие от ОРИ, главный интерес заключается в основном в транзитных возможностях Украины. Было бы большой ошибкой выстраивать на этой основе спекулятивную политику по отношению как к ЕС, так и к России, что априори принесет негативные результаты. Транзитным статусом следует не спекулировать, а выстраивать на его основе долговременную стратегию экономических отношений с Россией и ЕС, сделать его ключевым элементом экономической и опосредованно политической евроинтеграции.

Шаги в Европу

Особо следует отметить, что объединение «В Европу — вместе с Россией» не ограничилось формулированием новой комплексной доктрины, а и проводит системную работу по выработке мер по следующим ключевым направлениям евроинтеграции:

— *разработка совместно с российской стороной экономических проектов евроинтеграции с использованием как потенциала двух стран, так и возможностей ОРИ в целом;*

- унификация украинского и российского национальных законодательств в соответствии с утвержденными европейскими правовыми стандартами, координация работы в этом направлении Верховной Рады Украины и Государственной Думы РФ;
- определение конкретных направлений совместного украинско-российского сотрудничества с приоритетными государствами ЕС, в первую очередь с Германией, имеющей наибольший объем инвестиций в экономику Украины и объективно заинтересованной в создании континентальной геополитической оси «Москва-Берлин-Киев»;
- развитие политического диалога с ЕС как на двустороннем уровне, так и в плане выработки единой политики в отношении третьих стран и межгосударственных союзов;
- социальные аспекты евроинтеграции и их адаптация к условиям Украины и России;
- права человека и защита гражданских свобод посредством налаживания конструктивного диалога в этом вопросе;
- украинско-российское взаимодействие в рамках ПАСЕ, что должно стать одним из основных направлений международной деятельности нового парламента.

Альтернативы практической работе по налаживанию диалога по формуле «Украина-Россия-ЕС» не существует. Или если быть точным, она заключается в вытеснении Украины на дальнюю периферию мировой экономики и политики, что навсегда придаст ей статус континентального аутсайдера...

АТАКУЕМЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

«Новый миропорядок» угрожает всей системе международного права

Понятие национального суверенитета с начального периода исторического развития было основой существования народов и государств, фундаментом, на котором выстраивались межгосударственные отношения. Фундамент представлялся незыблемым, но уже во второй половине XX века наметилась тенденция противопоставления национальному суверенитету абстрактных понятий глобалистского направления, фактически полностью его отрицающих. Процесс становится все более интенсивным, но одновременно набирает силу и противоположная позиция, направленная на возвращение к традиционным ценностям исторического развития. Не вызывает сомнения, что **победившая идеология определит направление развития всего человечества и геополитическую расстановку сил.**

Последние события, связанные с иракским кризисом, показывают, что угроза национальному суверенитету страшна не только для небольших стран. Даже такие региональные сверхдержавы, как Германия и Франция, подверглись мощнейшему прессингу после намерения отстоять свои суверенные права в НАТО. Фактически, родившаяся в Белом доме концепция перехода ведущей роли в Североатлантическом альянсе к новым членам из региона Центрально-Восточной Европы является прямой попыткой в значительной мере лишить на континенте влияния государства, защищающие традиционно-историческое понятие суверенитета, противопоставив им конгломерат стран, согласных его максимально ограничить, став частью американской зоны влияния.

Национальный суверенитет являлся основой существования государств не потому, что был сакральной «священной коровой», его содержание определялось защитой национально-государственных интересов. Этим объясняется жесточенность, с которой отражались все посягательства на национальный суверенитет. Существовало ясное понимание, что уступка в этом вопросе имела бы следствием начало распада государства, отмену де-факто всей правовой системы, на которой оно основывается, и комплекса международных соглашений, определяющих его положение во внешнем мире.

Знаковой явилась ситуация в дни перед началом Первой мировой войны. Сербия согласилась на все самые тяжелые пункты австро-венгерского ультиматума, выдвинутого после убийства в Сараево, кроме одного. В нем выдвигалось условие проведения следствия на сербской территории властями Австро-Венгрии на основании ее законов, которые бы тогда автоматически распространялись на всех граждан Сербского Королевства. Непринятие всех пунктов ультиматума означало немедленную войну.

С другой стороны, принятие этого условия привело бы к тому же результату, но уже с существенным отличием. Следственная группа была заведомо ангажирована, а признание правомочности нарушающего национально-государственный суверенитет Сербии иностранного следствия лишало возможности обращения к другим державам за помощью против агрессии и фактически ее легитимизировало. История показала, что выбор сербского руководства был правильным.

Иной выбор сделало чехословацкое правительство в 1938 году. Прага согласилась на так называемое «международное посредничество» в судетском вопросе, что было несовместимо с ее суверенитетом. Итог был закономерен. Морально обессиленная и лишенная правовых основ для сопротивления, Чехословакия капитулировала. И хотя она и обладала одной из наиболее сильных армий в Европе, но Вооруженные Силы не понадобились правительству, пошедшему на государственное самоубийство.

При этом необходимо отметить следующую закономерность: **государство, ставшее на путь отказа от национального суверенитета хотя бы в одном вопросе, вынуждено пройти его**

до конца. Формы могут быть разными, но сама закономерность остается неизменной. Хрестоматиен в этом плане пример того же судетского кризиса. Третий рейх не остановился на аннексии Судетской области, инициированном расколе оставшейся территории и установлении марионеточного режима доктора Гаха. Через несколько месяцев, в марте 1939 года, немецкие войска вошли в Прагу. Чехословацкая республика де-юре превратилась из субъекта международного права в германский «протекторат Богемия и Моравия». Скольконибудь серьезной международной реакции это не вызвало — Чехословакию уже перестали рассматривать в качестве суверенного государства.

В целом, доктрина ограничения национального суверенитета была инструментом внешней политики государств, проводивших агрессивный или, формулируя ту же дефиницию в несколько сглаженной форме, «наступательный» международный курс.

В разных интерпретациях ее провозгласили в послевоенном мире СССР и США.

Международный отдел ЦК времен брежневского руководства выдвинул тезис об «ограниченном суверенитете» в социалистическом лагере, что предоставляло возможность оказания в кризисных ситуациях «интернациональной помощи».

Американская доктрина, в отличие от советской, не ограничивалась локальным кругом союзных стран. Провозгласив так называемые «западные» ценности универсальными и общеобязательными, она объективно приобрела глобальный характер.

В какой-то мере существованием одинаковых, хотя и с различными идеологическими обоснованиями, международных доктрин США и СССР ограничивалась сфера их практического применения. Идеологизированная внешняя политика сверхдержав, не признававшая национального суверенитета в собственной сфере влияния, активно выступала против аналогичных действий противника. Установилось определенное равновесие, дававшее возможность третьим странам сохранять национальный суверенитет.

С крушением биполярного баланса американский подход к вопросу о национальном суверенитете стал абсолютной доминантой. Это почувствовали на себе в той или иной степени все государства. Наиболее последовательно данная линия выстраивалась клинтоновской администрацией, все больше уходившей от защиты собственно национальных интересов США к некоей иллюзорной схеме, выгодной лишь непомерно разросшемуся классу международных бюрократов.

Республиканцы, традиционно более прагматично и рационально смотревшие на внешнюю политику, пытаются отойти от дискредитировавших себя схем времен правления демократической партии. Однако сделать это крайне сложно — слишком глубоки метастазы глобалистского нигилизма в американском политическом истеблишменте.

Например, хотя в Белом доме явно понимают абсурдность идеи «международного» трибунала по бывшей Югославии, но уже не могут отказаться от проведения начатого прецедентного процесса. В перспективе это может стать весьма серьезной угрозой не только для других государств, но и для самого Вашингтона, хотя бы в контексте его действий в Ираке — **принципиальное отрицание национального суверенитета, следовательно, национальной юрисдикции, чревато в будущем непредсказуемыми последствиями.**

В будущем любой неугодный лидер любого иностранного государства может быть незаконно экстрадирован и передан вненациональной судебной инстанции, не имеющей легитимных прав. Таким образом, нарушается как буква, так и дух всей системы международного права.

Проводимые параллели с Нюрнбергским и Токийским процессами, а также с судебным преследованием чилийского диктатора Аугусто Пиночета безосновательны, и в связи с этим можно отметить несколько ключевых моментов. Нюрнбергский и Токийский процессы стали результатом межгосударственных соглашений, на них были осуждены лидеры государств, виновные в агрессии против стран, подписавших данные соглашения, в убийствах и преследованиях граждан этих стран. Это полностью соответствует всем нормам

международного права, предусматривающего ответственность за агрессию и военные преступления.

Неубедителен пример и с экс-президентом Чили. Он обвинялся, прежде всего, в связи с исчезновениями и убийствами в Чили граждан ряда иностранных государств в период его правления, а также с преступлениями, совершенными сотрудниками чилийских спецслужб за рубежом. Таким образом, обвинения носили исключительно криминальный, а не политический характер и не нарушали государственный суверенитет.

Преследование Слободана Милошевича, наоборот, имеет откровенно политический и неправовой характер. Показательно, что даже антисербски настроенная британская «железная леди», в своей концептуальной книге «Искусство управления государством» отметила, как само собой разумеющееся, что «трибуналы по бывшей Югославии и Руанде руководствуются правилами, которые совершенно неприемлемы в обычном британском или американском суде». Против президента независимого государства США и их союзники выдвигают обвинения в связи с событиями на территории третьих суверенных государств. При этом неясно, на основании каких правовых норм это происходит, но откровенно игнорируется национальный суверенитет Югославии. Перед этим тот же Уильям Клинтон проводил с президентом СРЮ официальные переговоры, подписывал Дейтонские соглашения, и на государственном уровне тогда никаких обвинений не предъявлялось. Таким образом, по мнению гаагских прокуроров, бывший американский президент может быть обвинен в потворстве преступным действиям.

Несомненно, Гаагский трибунал был создан не только и не столько для Слободана Милошевича и других югославских государственных деятелей. Его деятельность показывает, какое будущее ожидает неугодные страны, препятствующие геополитическому диктату единственной сверхдержавы. Именно страны, а не только их лидеров: характерно, что процесс все более принимает антисербский характер, это отметил даже Воислав Коштуница, критически относящийся к своему предшественнику.

Вопрос не в отдельных личностях или даже государствах, а в дальнейшем направлении развития на основе традиционных ценностей, ключевым элементом которых является степень национального суверенитета или установление «нового миропорядка», в котором народы и созданные ими государства не обладают полнотой прав, а их судьба определяется извне.

«Новый миропорядок» не ограничится внешнеполитическими отношениями, фактическая отмена национального суверенитета затронет, прежде всего, внутреннюю жизнь и самостоятельное развитие. Это неминуемо сделает недействующими все демократические институты законодательной, исполнительной и судебной власти. Их решения и действия не будут полноценными и ответственными, учитывая, что они могут быть изменены силами внешнего воздействия.

Не в меньшей мере будет затронута и сфера негосударственной жизни, функционирование гражданского общества в целом. Объективно воля населения, выражаемая в процессе выборов, будет ограничена тем же внешним воздействием. В этих условиях все демократические ценности приобретают декларативно-ритуальный характер, а возможности общественного влияния на государство сводятся к нулю.

Таким образом, **процесс «направляемой десоверенизации» приводит не к глобальной демократии, а к глобальной диктатуре с тоталитарными чертами,** которые прослеживаются во всех идеологических диктатурах прошлого, отрицавших права человека, общества и государства ради демагогических построений.

Будущее человечества, государств, проводящих самостоятельную политику, зависит от сегодняшних действий — капитуляции (подобно мюнхенской) или отстаивания своего национального суверенитета всеми способами, предусмотренными международным правом.

Выбор предельно прост — тоталитарный «новый миропорядок» или просто порядок, основанный на международном праве и национальном суверенитете.

УКРАИНСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Только нейтральный статус и внеблоковость обеспечат Украине достойное место в мире XXI века

Определенный период в среде дипломатов и политологов довольно популярной была концепция, что понятие нейтралитета уходит в прошлое и уже не может в достаточной степени соответствовать изменившимся геополитическим реалиям. Обосновывалось это тем, что в определявших глобальное соотношение сил условиях противостояния великих держав и военно-политических союзов традиционный нейтралитет перестает быть действенным инструментом обеспечения необходимого уровня национальной безопасности, превращаясь в сугубо формальное определение. Считалось практически неизбежным, что при возникновении на континенте серьезного военно-политического кризиса классический нейтралитет не сможет выполнять заложенные в нем функции, и государства, провозгласившие его основой своей внешнеполитической концепции, будут вынуждены отказаться от нейтрального статуса. Однако опыт Швейцарии и Швеции, а в эпоху холодной войны и Финляндии с Австрией, показал ошибочность подобного подхода. Именно эти страны стали островами стабильности и процветания на континенте, охваченном тотальной войной и последующим блоковым противостоянием.

Оказалось, что, как правило, в нейтральном статусе заинтересованы не только его непосредственные обладатели, но, в значительной степени, и противоборствующие стороны, не стремящиеся «растягивать линию фронта». Этот тезис хорошо иллюстрирует пример с положением Румынии в 1916 году, имеющий не только узковоенный, но и общеполитический характер. В необходимости неучастия румын в войне были едины как Антанта, так и Центральные державы, испытывавшие одинаковый дефицит в ресурсах для открытия нового фронта.

Показательно, что когда Бухарест, стремившийся к новым территориальным приобретениям, все-таки инициативно выступил на стороне «сердечного согласия», то наибольшее недовольство это вызвало у русского Верховного командования, вынужденного срочно начать искать крупные воинские контингенты и материальные ресурсы для создания новообразованного Румынского фронта. Думается, в данном случае очевидна аналогия с современной Украиной, отдельные высокопоставленные государственные чиновники которой упорно «проталкивают» нашу страну в члены Североатлантического альянса в надежде, что подобное усердие будет оценено должным образом. И опасность для Украины заключается не в иллюзорном вступлении в НАТО — совершенно очевидно, что Брюссель не согласится взвалить на себя этот ненужный груз, — а в том, что подобный политический инфантилизм пагубно отражается на жизненно необходимом нейтральном и внеблоковом статусе. Показательно признание одного из главных поборников евроатлантизма – Маргарет Тэтчер, которая как один из наиболее авторитетных идеологов данного курса прямо отводит Украине роль «буфера между Россией и НАТО». Вряд ли следует детализировать, какая геополитическая перспектива ожидает «буферные государства», строящие свою внешнюю политику на натовских миражах.

Исходя из опыта прошлого века, можно констатировать, что концепция нейтралитета показала свою жизнеспособность, выдержав наиболее экстремальные периоды исторического развития. Более того, она приобрела глобальное влияние, что в частности выразилось в создании Движения неприсоединения, возрождение которого в будущем несомненно произойдет. Опыт «неприсоединившихся» стран убедительно показал, что нейтралитет нельзя считать адекватным полному изоляционизму, некоему отгораживанию от внешнего мира международно-правовой «китайской стеной».

Насколько большое значение придают сейчас сохранению нейтрального статуса развитые европейские государства, свидетельствует хотя бы официальное заявление австрийского правительства в период эскалации иракского кризиса, что американские военные самолеты, которые нарушат воздушное пространство Австрии, будут безусловно сбиваться. Вполне понятно: подобное заявление автоматически влечет за собой соответственные, особенно чувствительные для небольшого государства негативные изменения в двусторонних политических и экономических отношениях с единственной мировой сверхдержавой. То, что Вена сознательно на это пошла, показывает, что нейтралитет в глазах государственно ориентированных политиков имеет абсолютно доминирующее значение для защиты национальных интересов. Прекрасный пример для украинских политиков, воспринимающих в своей массе нейтральный статус в качестве аргумента для повышения цены в переговорах по «евроатлантической интеграции» и расписывающих экономические выгоды (совершенно надуманные) исполнения инструкций руководства НАТО.

Нейтралитет играет роль своеобразного фильтра, защищая страну от негативных влияний последствий противоборства внешних сил, дает ей возможность сосредоточиться на эффективном решении внутренних проблем, позволяя при этом развивать международное сотрудничество в контексте собственных интересов. Поэтому, создавая условия для динамичного внутреннего экономического и демократического развития, **нейтралитет имеет не только внешнее, но и не менее важное внутреннее измерение.** Швейцария весьма показательна в этом плане: некогда одна из самых бедных и неразвитых европейских стран, население которой массово эмигрировало в Россию и Латинскую Америку, благодаря последовательно сохраняемому нейтралитету, стала эталоном правового государства и благосостояния населения.

Провозгласив, в значительной степени неосознанно, нейтральный и внеблоковый статус, отечественная политико-государственная элита так и не сумела осознать историческое значение для будущего Украины принятых решений и самого многопланового характера этих понятий.

До сих пор превалирует отношение к нейтралитету и внеблоковости, как ни к чему не обязывающему лозунгу, существование которого не мешает самым неожиданным внешнеполитическим пируэтам. Хотя при этом та же многовекторность является не самостоятельным внешнеполитическим направлением, а только показателем боязни украинской дипломатии самого понятия нейтралитета, ее постоянными попытками проводить по сути нейтральную политику, но замаскированную и вне международного правового поля, что делает ее априори бессмысленной. В представлении некоторых политиков метания от одного внешнеполитического партнера к другому являются оптимальной позицией на международной арене, хотя именно подобная непоследовательность (не имеющая ничего общего с политикой нейтралитета) чрезвычайно ослабляет позиции Украины во внешнем мире. Подобная позиция, думается, имеет не столько рациональное объяснение, сколько базируется на глубинных ментальных архетипах, выработавшихся в ходе наиболее трагических периодов отечественной истории.

Также привычными стали постоянные и настойчивые попытки де-факто нарушить нейтралитет изнутри, что особенно проявляется в призывах к «евроатлантической интеграции». Этим эвфемизмом обозначается вступление Украины в НАТО, что автоматически должно навсегда похоронить ее нейтральный и внеблоковый статус. Как правило, для придания убедительности данному построению выдвигается тезис об изменившемся характере направления деятельности НАТО после окончания холодной войны, превращения ее чуть ли не в бойскаутскую организацию, озабоченную исключительно оказанием гуманитарной помощи.

Можно в связи с этим только посочувствовать ряду отечественных политиков, не желающих замечать очевидное: НАТО остается, прежде всего, военно-политическим блоком, и серьезно говорить о ее трансформации в нечто иное — более чем преждевременно. Агрессия против суверенной Югославии показала, что политика НАТО, прежде всего, ориентирована на факторы, чрезвычайно далекие от соблюдения общепризнанных мировым сообществом норм международно-правовых отношений.

Еще более бессмысленны ссылки на значение НАТО для вхождения в экономические и политические структуры объединенной Европы. Тупиковость этого пути испытала на себе Турция — активное членство в НАТО ни на йоту не приблизило ее к вхождению в Евросоюз. Более того, во многом, именно членство в Альянсе поставило в период иракского кризиса перед Анкарой дилемму выбора между американской и франко-германской позицией, что создало ей серьезнейшие внешнеполитические и экономические проблемы. Появилась необходимость отказа или от евроинтеграционного, или от американоцентристского курса, ранее не имевших принципиальных противоречий.

Критериями для успешной европейской интеграции является не участие в военных союзах, а адаптация к общеевропейским стандартам во всех важнейших сферах государственной и общественной жизни. Нейтралитет и внеблоковость создают для этого максимально благоприятные условия, и уход от них делает Украину субъектом глобальных геополитических игр, в которых она априори не будет самостоятельным объектом. Нынешнее положение страны и, прежде всего, тяжелое состояние экономики ни при каких обстоятельствах не позволит ей действовать независимо. Она станет просто разменной фигурой, вынужденной выполнять чужую волю и которой при определенных условиях можно пожертвовать.

Украина не может и, по объективным показателям, еще долгое время не сможет влиять на ситуацию в мире. Следует осознать, что зона ее непосредственных интересов не выходит за рамки отношений с приграничными государствами, и неоправданный глобализм наносит серьезный ущерб национальным интересам. Между тем в проведении международного курса Украины наблюдается противоположный процесс. Десятки стран провозглашены нашим внешнеполитическим ведомством стратегическими партнерами, и чиновники от внешней политики постоянно пытаются заявить окружающему миру о своей несуществующей значимости. Если «вынести за скобки» ситуацию в стране, то, наблюдая за действиями МИД, может сложиться впечатление, что Украина — не нейтральное государство с чрезвычайно ограниченными возможностями, а мощная держава, имеющая свои интересы в различных регионах мира. Уже привычными стали бесконечные заявления о событиях, к которым Украина не имеет ни малейшего отношения, и «инициативы», которые ничего кроме иронии вызвать не могут. Особое место здесь занимает так называемое «миротворчество», преподносящееся чуть ли не как главное доказательство влиятельности Украины на международной арене.

С упорством, достойным лучшего применения, МИД инициирует направление украинских «миротворческих контингентов» во все возможные точки Земного шара, вместо того, чтобы решать конкретные вопросы в сфере насущных внешнеэкономических проблем. История миротворческих операций ООН свидетельствует: они неэффективны и не содействуют преодолению конфликтов. Более того, сами миротворцы становятся заложниками ситуации. Что касается получаемого «боевого опыта», то вряд ли украинская армия нуждается в навыках жандармской деятельности в межэтнических конфликтах. Если называть вещи своими именами, то Украина просто расплачивается «пушечным мясом» за амбиции бюрократов. Вообще же, довольно странно выглядит подобная миротворческая сверхактивность для нейтрального государства. Конечно, ряд нейтральных государств участвуют в подобных мероприятиях ООН, но это не более чем выполнение ее просьб, не

имеющее какого-либо политического подтекста. У нас же рассматривают направление своих военных в миротворческие силы как инструмент внешней политики, что вряд ли можно согласовать со статусом нейтрального государства. Тем более трудно понять, какие геополитические интересы могут быть у Украины в Сьерра-Леоне, Ливане или Анголе. К сожалению, многие политики не могут осознать основного принципа, определяющего положение Украины в современном мире. **Нейтралитет и внеблоковость не могут являться ситуативными моментами во внешней политике, изменяющейся в зависимости от политической конъюнктуры.** Нейтралитет и внеблоковость — главное достижение всех прошедших лет государственного строительства, и не следует приспособлять их к чему бы то ни было, а под них выстраивать общее направление не только внешней, но и внутренней политики. Я уже писал о том, что только концепция «достаточного изоляционизма» способна обеспечить будущее развитие Украины как стабильного, демократического и социально ориентированного государства. И вопрос тут не только в отсутствии возможности играть самостоятельную роль в международной политике, что неизбежно ведет к подчиненному положению в военно-политических союзах. Разнонаправленность устремлений населения различных регионов сделает неизбежным раскол страны в случае даже не вступления, а просто окончательной и четкой ориентации на вступление в НАТО.

Приведенное сравнение со Швейцарией не является просто красивой метафорой. Подобно Швейцарской конфедерации, Украина исторически состоит из областей с разнонаправленными внешнеполитическими, языковыми, религиозными составляющими. 1991—1994 годы убедительно показали, что попытки навязать всему населению единую идеологию во всех сферах обречены на полный провал и приводят в конечном счете к критической стадии общей дестабилизации государства. Реальное создание по швейцарскому образцу единой украинской политической нации может быть обеспечено исключительно в условиях сглаживающего существующие противоречия нейтрального статуса. Одновременно нейтральный статус накладывает запрет лишь на участие в военно-политических блоках, но не налагает ограничений на приоритетное развитие наиболее отвечающего национальным интересам экономического и внешнеполитического направления. Именно по этому пути следуют все нейтральные европейские государства. Швеция, Австрия, Финляндия и, в значительной степени, Швейцария экономически и политически ориентированы на развитие отношений с ЕС, и это нисколько не противоречит их нейтральному статусу.

Нейтральный статус – отнюдь не мертвящее бездействие. Это и экономическая кооперация, и зоны свободной торговли, и интенсивное развитие экономики. **Одновременная активная интеграция Украины в структуры Евросоюза и членство в ОРИ (в том числе участие в создании единого евразийского экономического пространства) не только не противоречит внеблоковому статусу Украины, но и создает для него достаточный экономический фундамент.** Следует только различать вопросы экономической интеграции и военно-политические проблемы, хотя иногда эти понятия сознательно смешивают в целях препятствования развитию тесного сотрудничества Украины со странами евразийского континентального пространства.

Для Украины приоритетными направлениями являются интеграция в объединенную Европу и всестороннее развитие отношений с Россией. Именно **органичное объединение данных направлений в прагматическом внешнеполитическом курсе нейтральной и внеблоковой Украины способно обеспечить ей достойное место в мире XXI века.**

Пора перестать заниматься софистикой и придумывать несуществующий и бесцельный «нейтралитет по-украински», маскирующий дрейф в сторону НАТО. Концепция нейтралитета является устоявшейся и до мелочей отработанной в практике наиболее

благополучных европейских государств. Следует лишь не пытаться «изобретать велосипед», а строго следовать апробированной практике. Только тогда мы сможем не декларировать путь к «украинской Швейцарии», а стать ею в реальности. Оставаясь при этом Украиной...

БАЛКАНСКИЙ СИНДРОМ

Балканы вновь становятся центром европейской нестабильности

В августе исполняется 89 лет со времени начала Первой мировой войны, в результате которой ушла в безвозвратное прошлое идиллическая Европа. Европа, в которой задолго до современных интеграционных процессов было единое культурное и экономическое пространство, Европа, которую можно было объехать от Дублина до Владивостока без всяких виз. На смену ей пришла совсем другая Европа, состоящая из множества националистически озабоченных государств, усиленно культивировавших в своих гражданах дух этнонациональной исключительности и нетерпимости. Именно в результате войны в сознании европейцев произошел ментально-психологический надлом, последствия которого не преодолены до сих пор. Историк Джон Киган совершенно точно отметил, что все беды XX века, которые начались с Первой мировой войны, берут свое начало из хаоса, порожденного этой войной. Более того, противостояние Антанты и Центральных держав создало ту конфигурацию геополитической нестабильности, которая продолжает продуцировать все новые глобальные кризисы. Был нарушен основополагающий принцип континентального равновесия, длительное время сохранявший геостратегическую стабильность, и создалась возможность для непосредственного влияния на ключевые европейские проблемы Соединенных Штатов, до этого вполне удовлетворенных ролью лидера Западного полушария.

Первая мировая началась на Балканах — «пороховой бочке Европы», там же, где и теперь находится главная болевая точка континента. Марксистская историография утверждала, что выстрелы Гаврилы Принципа в Сараево были лишь поводом, но почему эти поводы возникали регулярно в одном месте? Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году, первая и вторая балканские войны в 1913 г. только случайно не закончились столкновением противостоящих союзов держав. Видимо, можно сделать вывод, что **Балканы являются ключевым элементом европейской стабильности. Любые непродуманные действия на этой территории могут иметь самые непредсказуемые последствия для всего континента.**

Сейчас, когда в результате «миротворческих усилий» мирового сообщества албанские боевики реально контролируют не менее половины территории суверенного государства Македония, а в полном натовских контингентов Косово де-факто создан террористический анклав, возникают сомнения в правильности проводимой им политики. Сама косовская трагедия, продемонстрировала, к чему приводит вольное или невольное потворство террористам, прикрывающимся целями борьбы за «национальное освобождение». Основной причиной событий в Косово и Македонии стало искаженное понимание принципа защиты прав национальных меньшинств и его еще более искаженное практическое применение. Ленинский принцип «самоопределения наций вплоть до отделения» в начале третьего тысячелетия в специфических балканских условиях **стал катализатором мощнейшего разрушительного процесса, грозящего в скором времени выйти за региональные границы.**

Наиболее негативное влияние на ход событий при этом оказывает неадекватное происходящим событиям вмешательство извне, последствия которого неизменно диаметрально противоположны ожидаемым. Нарушающие все нормы международного права натовские бомбардировки Югославии привели только к эскалации насилия. Косово де-факто отторгнуто от Югославии, большая часть сербов бежала от проводимого боевиками ОАК геноцида, а оставшиеся живут в гетто под охраной международных сил. Но не лучше

положение и албанского населения: «национальное освобождение» оказалось лишь красивой приманкой. Люди, посвятившие всю жизнь борьбе за национальные права методами ненасилия (в их числе и известный правозащитник Ибрагим Ругова), оказались полностью отстраненными от реальной власти. На смену им пришли убежденные террористы наподобие главы ОАК Хашима Тачи. Албанское население попало под влияние наркомафии, озабоченной только получаемыми сверхприбылями.

В Европе появился свой небольшой, но чрезвычайно агрессивный собственный Талибан, постоянно и целеустремленно пытающийся расширить границы экспансии. Потерпев временную неудачу в наступлении на южную Сербию, террористы направили удар на Македонию, и еще недавно мирная страна стала зоной боевых действий.

Проигравшая выборы демократическая администрация США в своем подходе к балканским проблемам исходила из позиции глобализма, подменяя, по сути, национальные интересы лишенными конкретного содержания идеологическими абстракциями. Непосредственное участие американских вооруженных контингентов в балканских событиях не усилило, а серьезно ослабило влияние Вашингтона в Европе. Союзники были вынуждены принять навязанный им силовой вариант решения проблемы, но, несомненно, внутреннее неприятие подобной линии осталось у европейских лидеров и в дальнейшем было спроецировано на иракский вопрос.

Джордж Буш-младший еще в период избирательной кампании убедительно критиковал балканскую политику своего предшественника, включая и ввод войск в Косово. Пресловутый «изоляционизм» республиканцев вообще есть не что иное, как четкое осознание подлинных национальных интересов, осознание того, что роль великой державы не состоит в выполнении функций «мирового жандарма», губительных для будущего Соединенных Штатов. За исключением зоны особых геостратегических интересов Вашингтона, в первую очередь, Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки, интерес Белого дома к другим регионам мира заметно снизился.

Я еще раз останавливаюсь именно на этой теме, часть аспектов которой уже затрагивалась в других эссе. Без ее ясного осознания невозможно правильно спланировать геополитические трансформации ближайших лет, которые определяют и геополитическую конфигурацию на более длительный срок, т. к. без четкого понимания движущих мотивов республиканской администрации невозможен правильный футурологический прогноз.

Очевидна ошибочность действий Вашингтона в иракской проблеме, что повлекло резкое усиление антиамериканских настроений во всем мире. Однако эта ошибка вызвана неверной оценкой положения в регионе и реакции европейских партнеров по НАТО, а не абстрактными идеологическими построениями, что обусловило действия демократов в Косово. Разница видна даже на уровне применявшейся в этих военных кампаниях стратегии. Для Клинтона действия против православной Югославии были идеологическим «крестовым походом», поэтому главной целью бомбардировок были не столько военные объекты, сколько объекты обеспечения жизнедеятельности, вся экономическая и социальная инфраструктура. Была поставлена четкая цель – максимально деморализовать население, лишить его воли к сопротивлению агрессии. Более чем показательно демонстративное уничтожение белградского телецентра, показавшего подлинную цену рассуждениям американских и натовских деятелей о безусловной ценности «свободы слова».

Буша мало волнует идеология, призывы к установлению в Ираке демократии – не более чем обычное пропагандистское обеспечение военных действий. Поэтому и ракетно-бомбовые удары в начале кампании были спланированы принципиально по-другому. Американцы пытались сохранить в целостности экономическую инфраструктуру, в первую очередь, объекты нефтедобычи. Вашингтонские стратеги вели классическую «экономическую» войну, в

которой, конечно, бессмысленно разрушать объекты, предназначенные для собственного послевоенного использования.

Исходя из этого тезиса и следует просчитывать складывающуюся в мире геополитическую ситуацию, в том числе и на евразийском пространстве, интерес к которому у США явно упал по сравнению с предшествующим периодом. Как пример, можно привести безуспешность попыток грузинского руководства использовать Вашингтон в противостоянии с Россией в период «Панкисского кризиса», что продемонстрировало реальные приоритеты американцев в Евразии.

Если же возвратиться к принципиальным основам, то нельзя не констатировать, что **даже самая развитая экономика не в состоянии выдержать сверхнапряжение, эффект от которого всегда оказывается несоразмерен затраченным усилиям.** Попытка быть везде одинаково сильными оборачивается в конечном итоге слабостью. А сама сила, по выражению Архимеда из замечательного рассказа Карела Чапека, «связывает своего обладателя». Сейчас мы действительно наблюдаем изменение американской политики в Европе: она, несмотря на довольно частые «эксцессы исполнителей», становится все же более прагматичной.

Но главным уроком косовских и македонских событий должно явиться понимание того, что не только Балканы, но и вся Европа столкнулась с новой серьезной опасностью. **Терроризм, ранее представлявшийся в виде психически неуравновешенных личностей с бомбами или стрелковым оружием, перешел в качественно новое измерение.** Мы наблюдаем феномен установления им диктата над целыми народами, его активной территориальной экспансии, создания квазигосударственных криминальных образований. Особую опасность этому явлению придает камуфляж заботы о правах «национальных меньшинств», что дает ожидаемый эффект в западных СМИ, предпочитающих, как правило, упрощенные, доступные для массового восприятия понятия.

Если албанским террористам удастся окончательно достичь своих целей в Македонии по косовскому сценарию и окончательно отторгнуть Косово от единой Сербии, то зарева пожаров вспыхнут в других странах региона, а в перспективе, возможно, и в благополучных государствах Западной Европы, куда, получив статус «политических беженцев», перебрались сотни тысяч албанцев.

Несомненно, политическое урегулирование всегда предпочтительнее пролития крови, но при этом алогично ставить знак равенства между законным правительством и террористической организацией или еще проще — между бандитами, захватившими мирное село, и силами правопорядка, стремящимися его освободить. **Потворство терроризму ведет к дополнительным жертвам, никогда не давая приемлемого политического решения.**

Большинство стран уже давно убедились на собственном опыте, что единственно возможное содержание переговоров с террористами — это условия их сдачи. Необходимо искать соглашение и компромисс не с террористами, а исключительно с национальными организациями, не признающими насилия.

Здесь не должно быть практики двойных стандартов. Самые демократические государства мира никогда не ведут переговоров с действующими на их территории сепаратистскими террористическими организациями, что не дает возможности, например, баскской ЭТА, ИРА или корсиканским экстремистам выйти на уровень субъекта международного права и диктовать свои условия. Пока же именно двойные стандарты являются определяющим элементом в отношении к балканской проблематике. Если Испании позволено запретить не только террористическую ЭТА, но и крупнейшую национальную баскскую партию «Батасуна», то в Македонии и Косово значительно более радикальных политиков НАТО признает «законными представителями» интересов албанского населения. Не вызывает сомнений, что если бы испанец Хавьер Солана попытался вмешаться в ситуацию вокруг Басконии, применяя свои балканские принципы, то был бы немедленно обвинен в

государственной измене и поддержке террористических организаций. Кстати, весьма наивной выглядит уверенность некоторых европейских политиков, что подобные двойные стандарты при определенной ситуации не будут направлены против их стран какой-либо силой извне. С легкостью могут быть использованы не только традиционные национальные проблемы континента, но, возможно, и нестандартные подходы миграционная политика последних десятилетий создала для этого множество предпосылок.

Маленькая Македония надолго стала потенциальной болевой точкой континента. Исход событий здесь во многом определит будущее всей Европы. И вряд ли можно считать окончательным нынешнее крайне неустойчивое равновесие, не имеющее под собой крепкого фундамента. Судьба Македонии сейчас определяется не в Скопье, а совсем в других столицах, в которых опасность возникновения очагов исламского экстремизма на территории непосредственно Евросоюза явно недооценивается. Близорукость западных политиков в этом отношении просто поразительна, и не надо быть Нострадамусом, чтобы уверенно прогнозировать для всей Европы крайне тяжелые последствия подобной самоуспокоенности. Если провести еще одну историческую аналогию, то положение вокруг Македонии и Сербии чрезвычайно напоминает период перед заключением рокового Мюнхенского договора. Глава созданной на деньги гитлеровских спецслужб организации судетских немцев Конрад Генлейн организовывал отряды боевиков, однако попытки чешской полиции добиться соблюдения законности однозначно расценивались в иностранной прессе как посягательство на права немецкого национального меньшинства. Довоенная Чехословакия была одним из наиболее демократических и правовых государств в тогдашней Европе, но это не спасло ее от беспочвенных обвинений. Чем все закончилось, известно: сначала разделом Чехословакии в Мюнхене, а через несколько месяцев и полной оккупацией ее территории Третьим рейхом. Именно подобная безнаказанность террористов, позволившая им достичь поставленных целей, открыла путь уже ко Второй мировой войне...

Права национальных меньшинств, конечно, должны соблюдаться в полной мере. Это один из основополагающих принципов объединенной Европы. Но он ни в коей мере не перечеркивает других прав человека, независимо от того, к какой этнической или религиозной группе он принадлежит. И главное право — это право на жизнь, право на безопасное существование, которое несовместимо с разгулом терроризма, какими бы лозунгами он не прикрывался. Когда 28 июня 1914 года пуля террориста оборвала жизнь австрийского эрцгерцога, никто не думал, что через несколько недель начнется мировая война, в которой погибнут миллионы людей из многих стран. Существовало общее мнение, что «на Балканах всегда что-то происходит», и на их жизнь события на окраине Европы никак повлиять не могут. Не похожи ли и мы сейчас на наивных обывателей начала прошлого века? Ведь балканский синдром в начале третьего тысячелетия не менее опасен, чем в судьбоносном 1914 году...

Информационно-цивилизационной экспансии может противостоять только государство с системой традиционных национальных ценностей

Сейчас уже нельзя не замечать две принципиальные проблемы, с которыми украинскому и российскому обществу да и всему человечеству пришлось столкнуться в наступившем столетии. Причем эти проблемы имеют не только внутреннее, но и не менее важное геополитическое значение, определяющее в конечном итоге положение государства во внешнем мире, выстраивающем его систему внешнеполитических координат и приоритетов.

Первая — навязывание безусловности демократических ценностей или, точнее, их западной трактовки. Причем хотя в последнее время понятие самостоятельного цивилизационного «западного» типа начинает размываться – преждевременно говорить об отходе в прошлое «западной» самоидентификации и «западного» отношения к внешнему миру. Конечно, евроцентристские настроения набирают все большую силу, что видно хотя бы по резко возросшей геополитической самостоятельности Германии и Франции, но для многих, в том числе представителей политической, финансовой и интеллектуальной элит, чрезвычайно трудно отказаться от концепции «золотого миллиарда». А ведь именно на ней и основывается «западное» самосознание, рассматривающее весь внешний мир с позиций потребления и генетически цивилизационного превосходства. Если другие цивилизационные проекты требуют определенной самодисциплины, сознательного отношения к миру и немыслимы без духовной составляющей, основанной на ментальности одной из мировых религий, то западный проект основывается на инстинктах потребления, закономерно преобразующихся в геополитический диктат и агрессию. Экологический кризис, вызванный потребительским отношением к природным ресурсам, культ насилия под камуфляжем распространения идей демократии и агрессия бездуховности – его закономерные итоги.

Вторая — информационно-цивилизационная экспансия, в том числе и экспансия с использованием возможностей СМИ, свобода которых считается во всем мире ценностью абсолютной, но у нас, боюсь, уже причислена к сакральным «священным коровам», вследствие чего становится опасной. Опасной, в первую очередь, для подлинной демократии. Более того, информационная экспансия уже стала неотъемлемой составной частью геополитического диктата, став, по сути, одним из опаснейших орудий глобалистского наступления на само понятие национального суверенитета.

Как точно заметил выдающийся и очень смелый русский мыслитель Сергей Аверинцев, XX век лишь продемонстрировал, как не надо отвечать на вечные вопросы, но не снял ни одного из них. Что касается геополитики, то здесь количество крайне серьезных вопросов ощутимо прибавилось. Что особенно важно – разоблачение и **крах большинства тоталитарных режимов в мире не уничтожили (да и не могли уничтожить) причин, благодаря которым сложились эти режимы.** Скорее, наоборот, создана питательная почва для роста антидемократических и прототалитарных настроений во многих регионах, которые стали испытательной площадкой глобалистских технологий. При упрощенном восприятии действительности (неминуемом для массового сознания) именно демократические принципы выглядят явным проявлением иоцивилизационной агрессии, и как альтернатива этому процессу происходит возврат к тоталитарному или тотально-изоляционистскому сознанию, несущему в себе не меньшие грядущие катастрофы.

В свое время мировое общественное мнение было уверено, что способно легко распознать антидемократические и тоталитаристские теории. Однако его прозрение наступало лишь после знакомства с практикой, обращенной на себя, то есть тогда, когда что-либо изменить

было невозможно. Тот же Адольф Гитлер до сентября 1939 года считался хоть и эксцентричным, но вполне уважаемым политиком, с которым государственные деятели уровня Невилла Чемберлена не считали зазорным искать возможности установления доверительных отношений.

Сегодня мир остается не менее самоуверенным. Он не замечает, что новый перекосяк, уже в противоположную сторону, становится реальностью. Победившим свободам в их западном восприятии уже недостаточно места, они начинают теснить все остальные...

То, что человечеству сделана сильнодействующая прививка от концлагерей, безусловно, хорошо (хотя, как показывает опыт, ни одна прививка не бывает достаточно сильной). Плохо, что эта прививка демагогически используется для отвращения от выстраивания новой геополитической конфигурации, основанной на принципах традиционализма, от цивилизационного поиска, от великого вообще: великих дерзаний, великой культуры, великих вопросов.

Современная западная демократия, обессилена политкорректностью и практикой двойных стандартов, разращенная комфортом и сытостью, страшно измельчала. Тому свидетельство — значительная часть американской и европейской культуры и общественной мысли последнего десятилетия. И не зря такие мыслители, как тот же Аверинцев и Воннегут, озабочены сегодня этой проблемой.

Нам в наступившем веке **важно не только сохранить демократию, но и не дать глобалистской трактовке этого великого понятия погубить культуру, низвести ее до серости масскульта.** Не вызывает сомнения, что именно в этом качестве демократические установки активно используют для цивилизационной агрессии, направленной против великих мировых культур, низведении их на уровень этнографических и духовных резерваций. Равенство в правах еще не обозначает равенства в обязанностях. Упразднение привилегий не должно превращаться в унификацию, которая является смертельной для традиционных цивилизаций.

Личность каждого уникальна и неповторима. Люди просто неодинаковы и потому никогда не смогут быть совершенно равными. Но общественное мнение требует все новых и новых наглядных подтверждений состоявшегося равенства. Аналогичный подход правомерен и по отношению к цивилизациям, альтернативным абстрактно-западной, которые хотят растворить в «плавильном котле» мондиализма.

Результат налицо: нынешний стандартизированный, дотошно регламентированный быт победившей духовно «усредненной» личности, повседневная унылая жизнь клерка оказываются немногим лучше той беспросветной тоски, которую навязывал миру тоталитаризм. Сложившаяся система запретов (в том числе и на убеждения) действует и сегодня, причем в образцово демократических государствах. И на очереди уже изменения не на уровне повседневной жизни, а в масштабе культур и цивилизаций.

Деньги, диктующие правила поведения художнику, мыслителю и, главное, политику, управляют ими и ограничивают их свободу не менее радикально, чем идеологии тоталитаризма. **И либеральная диктатура может оказаться страшнее тоталитарной, ибо вещает не от лица откровенно zaangażированной, но, по сути, все-таки «локальной» идеологии, а от лица ценностей, которые преподносит как абсолютные.** Противостоять такой фальшивой «диктатуре добра» могут лишь сильные духом, только государства, не утратившие своих традиционных духовных ценностей.

А современный человек становится все более духовно дрябл, беспомощен, избалован. Низведением на государственном уровне великих христианских основ к «отправлению религиозных потребностей», европейская цивилизация постепенно лишает себя главной морально-духовной основы. К тому же, всякий человек рубежа веков несет на себе отпечаток декаданса и упадка. Он ничего не может противопоставить идеологическому диктату, ибо

боятся борьбы и больше всего дорожит сохранением своего уровня потребления. И любого, кто пытается с ним заговорить о вечных ценностях, интеллектуальной честности, национальном достоинстве, немедленно объявляет фундаменталистом и тоталитаристом. Так его научили идеологи потребления, играющие на сугубо физиологических, бездуховных инстинктах.

Да, собственно, только в потреблении и сосредоточена свобода унифицированного «западного» всечеловека. И то, что, сакрализуя свободу в потребительском разрезе, мы рискуем обожествить потребителя, — одна из самых страшных угроз, которую несет Украине и всему евразийскому пространству XXI век.

Сегодня нам не до нее, мы еще строим и боремся. Но Достоевский предупреждал: проблемы начнутся как раз тогда, когда человек, наконец, обеспечит себя пищей на каждый день. В том, что мы со временем одолеем материальную нищету, у меня нет ни малейших сомнений.

Духовную нищету победить будет гораздо труднее, да и к этому времени борьба может стать заведомо проигрышной. Утраты в ментальной основе существования нашего народа могут стать необратимыми, сделав иллюзорной и возможность построения развитого государства, основанного на традиционных ценностях Святого Православия, изначально выступавшего в качестве государствообразующей и общественно консолидирующей религии.

Сегодняшнее состояние постсоветского общества вызывает серьезные опасения. Люди измучены и развращены мутными псевдорыночными понятиями, допускающими куплю-продажу всего сущего. Они ничем не намерены жертвовать ради собственных убеждений, да часто и не имеют их в принципе. Уповать на то, что их воспитает рынок, — провинциальная наивность. Напомню слова одного известного российского политолога: нигде и никогда еще либеральные ценности не победили из-за введения рынка. Даже свободы торговли добивались идеалисты, а не спекулянты.

Вторую опасность я обозначу совсем коротко. Мы уже живем в мире медиакратии, где пресса свободно манипулирует людьми, успешными во многом утратив навыки к самостоятельному мышлению.

Яркое подтверждение тому, как манипулируя священной свободой печати, бездарно и пошло проходили многие политические кампании в Украине. Похожие политически-медийные кампании неоднократно предпринимались и предпринимаются и в других постсоветских государствах, и не секрет, что **ряд их был напрямую организован заинтересованными силами извне, использующими масс-медиа как ударный инструмент идеологического и даже организационно-инструктивного воздействия.**

Известно, например, что журналисты «старого» НТВ, заставившие весь мир говорить о себе, пользовались этим святым понятием для защиты и лоббирования своих узкоклановых, а по сути, и антиобщественных интересов. Этим они навредили свободе печати больше, чем могли бы это сделать сто самых яростных цензоров.

Иное дело, что государственные интересы в бюрократической трактовке, по понятным причинам, тоже далеко не всегда вызывают у большинства мыслящих людей желания обслуживать их.

Сегодня многие представители СМИ, не имея ни необходимого интеллектуального ресурса, ни достаточно четких нравственных ориентиров, присвоили себе право формировать духовную жизнь бывшего СССР, мании, фобии и представления его граждан.

Большинство провокационных слухов запускаются через прессу, большинство грязных пиаровских акций осуществляются ею, и порой становится совершенно невозможно понять, что же мы защищаем, отстаивая свободу печати в Украине и России. Как это ни неприятно осознавать, но после событий в Москве, Киеве и Праге стало очевидно: свобода прессы в странах Центрально-Восточной Европы постепенно превращается в свободу самого беззастенчивого манипулирования, которую активно используют в своих геополитических

интересах, имеющие достаточные финансовые возможности иностранные государства и транснациональные корпорации.

Главная трагедия XX века в том, что он нивелировал самые святые понятия.

Националистические диктатуры скомпрометировали понятие единства нации, партноменклатурный социализм — понятие равенства и социальных гарантий, либерализм мондиалистского толка — понятие свободы и политкорректности.

Из детей, выплеснутых нами вместе с водой, можно было бы составить обширный детсад. Задачу людей, свободных от кастовых и клановых предрассудков, людей, воспитанных на сокровищах мировой культуры, я вижу, прежде всего, в том, чтобы **реабилитировать эти понятия, вернуть им прежний смысл и очистить от многолетних искажений и наслоений, дискредитировавших изначально заложенный позитивный стержень.** Ибо общество, отказавшееся от собственных традиционно-ментальных ценностей, более всего готово к тому, чтобы прельститься самыми примитивными и страшными чужими. Это искушение станет роковым – **внешний мир не знает сантиментов, и государство с подорванной корневой системой ценностей обречено...**

«Не заражен идеологическим вирусом тот, кто самодостаточен, независим и свободен духом. Свобода — это душевное состояние. Свободу нельзя дать, завоевать, купить или подарить. Истина делает тебя свободным. Свобода достигается. Аристократ духа свободен, когда тело его в тюрьме, и никто не может лишить его духовной свободы.

«Свобода слова недостижима без свободы духа» (Герцен). Нельзя дарить свободу слова тому, кто не свободен духом, ибо это то же, что вручить острый меч бесноватому и пустить его в толпу.

При свободе слова у каждого появилось право выкрикивать все, что слюна на язык принесет: те же пережеванные штампы, только громче и яростнее. И вот, ты лишен свободы и права на тишину. Истерический визг и скрежет зубов окружающего мира влияет на тебя, становится тобой, твоей сутью.

Нашел ли ты себя в этой информационной давяльне? О чем ты думаешь по ночам? Думаешь ли?

Если однажды хорошенько призадуматься, то довольно быстро убеждаешься, что в голове нет ни единой мысли. Представь себе, какая была бы тишина, если бы люди говорили только то, до чего додумались сами».

Юрий Ларичев, «Вьда славяньска»

УРОКИ ЧЕРНОГО ДЕКАБРЯ

Опыт геополитической деятельности Павла Скоропадского чрезвычайно ценен для современной Украины

Декабрь 1918 года – одна из черных страниц в отечественной истории. Гражданская война, еще весной оставившая, как казалось, пределы Украины, разгорелась вновь с невиданной силой, унося множество человеческих жизней. Особый иррационализм происходящему придавало то, что в смертельной схватке сошлись две силы, боровшиеся под одним национальным флагом, отстаивавшие независимую и соборную Украину, видевшие ее цивилизованным демократическим европейским государством. Исход «абсурдной войны» был предсказуем – полное крушение едва родившейся украинской государственности и торжество агрессивных внешних сил, которые маскировали свои истинные намерения привлекательными популистскими лозунгами.

События уже столь далекого прошлого представляют для нас не только исторический интерес, **слишком много параллелей при внимательном взгляде просматривается с современностью, в первую очередь с ловушками геополитики, в которые мы постоянно попадаем.** Да, возможно, в современных событиях исчез подлинный трагизм происходящего, снизился накал страстей, явственно проступают элементы фарса. Впрочем, все так и должно быть, ведь, как известно, история всегда повторяется дважды. И в первую очередь это относится к истории Украины, которую, как тонко подметил неплохой писатель и вечно колебавшийся политик Владимир Винниченко, «необходимо читать с бромом». Это утверждение тем более актуально, так как ни одна страна не имеет столько исторических мифов, активно влияющих на настоящее и, следовательно, на будущее. Воистину – мертвый хватает живого.

Показательно, что события декабря 18-го практически одинаково оценивают советская и национал-радикальная (с сильным лево-радикальным оттенком) историографии: «диктатура гетмана Павла Скоропадского пала в результате народного восстания». При этом и те, и другие не жалеют негативных характеристик деятельности поверженного гетмана. Особенно много ему досталось с обеих сторон за «реставрацию буржуазно-помещичьего строя» и «прислужничество немецким оккупантам». Разница в основном в деталях: коммунистические авторы обвиняют Скоропадского в «буржуазном национализме», а национал-радикалы, помимо «преследования социалистических партий», крайне негативно воспринимают тесные связи гетмана с антибольшевистскими государственными силами России.

Эта несправедливость в основном не исправлена до сих пор. Притом, что вклад гетмана Скоропадского в становление украинской государственности трудно переоценить, его заслуги перед Украиной не отмечены должным образом, не дана оценка всем фальсификациям, связанным с его именем.

Например, традиционным стало обвинение Скоропадского в организации при немецкой поддержке государственного переворота и свержении 29 апреля 1918 года Центральной Рады. Однако, думаю, объективные историки согласятся, что подобная трактовка является сознательной примитивизацией сложного процесса. Действительно, Скоропадский крайне негативно относился к лево-радикальной, а временами и откровенно разрушительной, демагогии многих лидеров Рады (ее яркий образчик дан в известной книге ярого критика гетманского режима Винниченко «Відродження нації», где он резко критикует Раду за недостаточный, по его мнению, радикализм), предсказывал катастрофические последствия их политики для судеб страны. Но Рада была разогнана не Скоропадским, а немецким военным командованием, убедившимся в ее неспособности организовать сколько-нибудь

эффективную государственную власть в Украине и обеспечить необходимую стабильность на территории страны.

Свидетельством того, что и сама Центральная Рада, и ее руководители лишились всякой поддержки в народе, стал тот факт, что роспуск Рады прошел почти незамеченным, не было ни демонстраций протеста, ни даже попытки сопротивления, ни одна воинская часть, даже считавшиеся особенно надежными сечевые стрельцы Евгена Коновальца, не выступила на ее защиту. Власть буквально упала к ногам Скоропадского, и если бы он не поспешил заполнить образовавшийся вакуум, немцы просто ликвидировали государственный суверенитет Украины и установили бы оккупационную администрацию.

Критики Скоропадского особо нападают на «декоративность» съезда хлеборобов, на котором он был избран гетманом, и на то обстоятельство, что проходил он в киевском цирке. На мой взгляд, некоторые заседания нынешней Верховной Рады куда больше напоминают цирковое представление, чем то собрание подлинных хозяев земли, приехавших со всех концов Украины. Именно они представляли настоящую (а не самозванно-олигархическую) элиту возрождавшейся нации, тот слой тружеников, без которого невозможно существование государства.

Но главная заслуга гетмана – это создание реально и эффективно действовавших институтов государственной власти независимой Украины. Если прекраснодушные говоруны из Центральной Рады больше занимались произнесением зажигательных речей и самолюбованием, то Скоропадский с первого дня занялся нелегкой черновой работой. Он четко понимал то, что не могут осознать многие современные политики: независимость – это не только герб, флаг и гимн и бесконечные маниловские рассуждения о «народном благе», это прежде всего реальная защита граждан, национальных интересов страны в целом. Гетман был убежден, и опыт недолгого правления Рады это подтверждал, что **без сильной власти сохранить государство не удастся**. А без сильного государства, обладающего реальным влиянием во внешнем мире, защита прав граждан становится не более чем фикцией.

Пришлось начинать даже не с нуля, а, если так можно выразиться, с отрицательной величины. После года революционного нигилизма и разложения большое внимание было уделено вопросам нравственного возрождения, возвращению к истокам традиционной православной духовности. Скоропадскому хватило мужества не опуститься до одних силовых мер, не подкрепленных правовым и моральным авторитетом. Поэтому буквально с первых часов у власти его усилия направляются на формирование в государстве правовых отношений: каждый гражданин, независимо от социального статуса, этнической и конфессиональной принадлежности, политических убеждений, должен был чувствовать себя одинаково защищенным. В короткий срок были приняты основополагающие законы, регулирующие гражданско-правовые отношения, сформирован демократический суд. За считанные месяцы было напечатано огромное количество научной и просветительской литературы, основаны Украинская Академия наук и множество высших учебных учреждений.

Все это было подкреплено организацией армии и правоохранительных органов (к сожалению, этот процесс просто не успели довести до конца). Во внешней политике были предприняты шаги, позволившие Украине даже в условиях немецко-австрийской оккупации стать весомой силой на международной арене. **Опыт геополитической деятельности гетмана сейчас, в условиях безусловной объективности Украины на международной арене, приобрел особую ценность, и мы должны максимально полно извлечь из него уроки**. Особенно ценным является опыт выстраивания им геополитической конструкции, в которой явно просматривалась будущая континентальная ось с Германией и будущей национальной Россией. За прошедшие десятилетия данная внешнеполитическая схема не только не утратила

актуальности, но и стала главным элементом, который должен сделать реальной европейскую интеграцию Украины.

И вот в декабре 18-го эта Украина ушла в небытие. Зарождавшемуся государству был нанесен удар в спину: украинские лево- и национал-радикалы в союзе с большевиками-интернационалистами нанесли ей смертельный удар. Главная цель внешних сил была достигнута. На земле Украины воцарились хаос и анархия. Подобное «национальное единение» представителей III Интернационала, мечтавших о мировой революции, и националистов, много говоривших о построении национального государства, но ничего не делавших для осуществления этой цели, можно сравнить разве что с сатанинской «черной мессой» – под лозунгом объединения политических сил, преследовавших диаметрально противоположные цели, не могло появиться ничего созидательного. Этот урок мы обязаны извлечь, чтобы подобного не повторить сейчас и в будущем.

Уверен, настало время, когда Украина должна, наконец, воздать своему великому сыну и великому государственному деятелю. Нужно это прежде всего нам, с тем, чтобы верно оценивать происходящее и не допускать ошибок, которые могут привести к гибели выстраданной государственности. К сожалению, наши политики обладают удивительной способностью наступать на одни и те же грабли, когда бы они ни жили – в XVII, XX или XXI веке.

ПРАВОСЛАВИЕ И ГЕОПОЛИТИКА УКРАИНЫ

Без веры, как ментальной основы государственности, невозможно создать сильные позиции на международной арене

Непонятый ни современниками, ни потомками выдающийся отечественный историк, философ и геополитик Вячеслав Липинский, вся деятельность которого была направлена на преодоление в украинской государственнической идее мифов примитивного этнонационализма, свое исследование периода Хмельниччины символически назвал «Украина на переломе». Философия истории «украинского Константина Леонтьева» четко определяла наличие в историческом развитии государства переломных геополитических моментов, определяющих его будущее на стратегическую перспективу. Нынешний период, отмеченный ростом политической напряженности и серьезными проблемами на международной арене, является не менее переломным, чем время национально-освободительной войны под руководством гетмана Богдана Хмельницкого. Ушла в прошлое эпоха, когда классовую борьбу пытались превратить в новую религию. Две мировые войны показали всю античеловечность идеологии национального превосходства, основанного на самых низменных человеческих инстинктах. Уроки последних лет доказали тупиковость антихристианского нигилизма, какими бы звучными терминами он не назывался. И весь опыт прошедшего времени убедительно продемонстрировал, что только традиционные, основанные на сакральной религиозной основе, морально-нравственные ценности могут стать основой развития государства. Это сейчас вопрос не только духовной сферы, но и практического государственного строительства и выстраивания геополитического курса. Совершенно прав философ Александр Панарин, что православный культурный тип воплотил то, что содержалось как заявка, но так и не получило полной реализации на почве западной культуры – ценностную рациональность, без которой невозможна успешная ориентация как во внутренней, так и во внешней политике. Когда говорится о прагматизме и рациональности внешней политики, то воспринимать данные понятия следует не линейно, а с учетом всех глубинных духовных факторов. Недооценка этого чревата глобальными катастрофическими последствиями. Вспомним, как рушились сильнейшие государства, находившиеся в зените своего внешнего могущества. Великий Рим, диктовавший свою волю на огромных пространствах, рухнул не из-за натиска орд варваров – главной причиной стала утрата внутренней духовной консолидации в изменившемся мире. Российская империя в феврале 1917 года имела блестящие военные и геополитические перспективы, крупнейшим успехом стратегического характера было достижение соглашения с союзниками о передаче ей Босфора и Дарданелл. Прошло несколько месяцев – и никого уже не интересовал выход в Средиземное море, государство с разложившейся корневой системой ментальных ценностей не имело достаточных сил для внутренней консолидации и перестало существовать. Мы явственно видим сегодня, что Украине, используя методы геополитического диктата и тотальной информационной агрессии, навязывают чужие морально-этические ценностные ориентиры. Ценности, приняв которые, она перестанет быть Украиной, суверенным государством, твердыней православия на Востоке Европы. И от того, **какую дальнейшую модель развития и позиционирования на международной арене – собственную, отвечающую национальным интересам, или навязываемую извне глобалистскую – мы выберем, зависит, станет ли Украина стабильным демократическим государством или безвозвратно утвердится в качестве «серой зоны» континента.** К сожалению, в современном мире слишком многое, даже в сфере духовной, определяется скоропреходящей модой. Естественной реакцией на десятилетия насильственного

государственного атеизма стала своеобразная мода на православие. Мода — потому что это увлечение ограничивалось, в основном, обрядовой стороной.

С годами новизна восприятия религии ушла, оставив разве что обязательный церковный церемониал во время торжественных официальных мероприятий. А отечественный политический истеблишмент, в своем большинстве, и не пытался вникнуть в духовную глубину православия, осознать его роль в истории Украины и в современном государственном строительстве, в том числе в определении геополитического места Украины во внешнем мире. **Но без веры как необходимой ментальной основы государственного и общественного бытия, в принципе, невозможно построить новое общество, создать сильное, пользующееся влиянием на международной арене, государство.**

Идеологические фантомы

Корневую, ментальную связь народа Украины с Православной Церковью не смогли разорвать никакие исторические потрясения. Тотальная 70-летняя атеистическая пропаганда и современное нашествие манипуляторов сознанием, являющихся, зачастую, сознательно внедряемым извне элементом разложения общества и, следовательно, государства, оказались одинаково бессильными. Многие, даже пока неверующие люди, ищут в глубине души пути возвращения к вере поколений своих предков, а совершаемые нарушения заповедей воспринимаются ими именно как грех перед Богом и людьми, а не как общепринятая (хотя и активно пропагандируемая многими масс-медиа) норма поведения. Необходимо поддерживать это народное восприятие православия, что является задачей подлинной национальной политической, интеллектуальной и управленческой элиты.

Но существующие на сегодняшний день элиты, несущие на себе все родовые признаки неукорененности и скороспелости, увлечены различными по точному выражению Липинского «магиями», выбираемыми в зависимости от идеологических предпочтений, иногда напрямую замкнутых на личные материальные интересы. Таким образом, насущный вопрос создания объединяющей все регионы и общественные группы, общенациональной консолидирующей идеологии (и, соответственно, внешнего позиционирования на международной арене) на основе традиционных христианских ценностей и народной ментальности остается нерешенным.

Что касается новой геополитической доктрины, то следует осознать: ее неотъемлемой частью должна стать последовательная ориентация на укрепление на континенте начал традиционализма, основанных на христианской ментальности. Именно традиционалистские европейские основы являются главным фактором противостояния «всесмешению» изначально принципиально бездуховного мондиалистского «евроатлантизма». И именно под этим знаком следует проводить процесс евроинтеграции Украины, фундаментом которого должна стать геостратегическая ось континентальной стабильности «Берлин-Киев-Москва». Именно Германия, Украина и Россия являются наиболее последовательным воплощением традиционных религиозно-моральных ценностей европейской христианской мегацивилизации.

Если бы подобное понимание доминировало среди национальных элит европейских государств в начале XX века, то удалось бы избежать катастрофической по своим геополитическим последствиям Первой мировой войны. Хотя подобные голоса и раздавались достаточно громко, но лидеры как Центральных держав, так и Антанты не сумели выйти из плена тактических представлений, начисто лишивших их видения геополитической перспективы.

Как пример можно привести секретную докладную записку бывшего министра внутренних дел России Петра Дурново, поданную им императору Николаю II за полгода до начала войны. На мой взгляд, этот документ является наиболее блестящим образцом

высокопрофессионального геополитического анализа, в котором прогнозируется с абсолютной точностью развитие внутри- и внешнеполитической ситуации. Предостерегая против втягивания России в войну, Дурново до деталей предсказывает связанные с этим внутренние потрясения и предлагает конфигурацию континентальной стабильности, основанную на ценностях общеевропейского единства.

Не могу не процитировать отрывки из этого документа, по сравнению с которым все, лишенные практической основы, рассуждения ведущих евроатлантических идеологов выглядят простыми упражнениями в риторике: «...Тройственное соглашение – комбинация искусственная, не имеющая под собой общих интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению – России, Германии, примиренной с последней – Франции и связанной с Россией строго охранительным союзом Японии. Такая, лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций...» Дурново и его единомышленников в противостоящих европейских государствах ожидала судьба Кассандры – тревожные слова мало кто мог понять в обстановке упорно нагнетаемой националистической истерии. Это делает их пример еще более трагическим и предостерегающим для современной Европы.

Вера как основа европейской интеграции

Роль православия в консолидации нации отчетливо понимало большинство властителей Руси-Украины, имевших, как правило, здоровое государственно-восприимчивое отношение к действительности. Святой равноапостольный князь Владимир выбрал православие не только из-за его величайшей духовной красоты и истинности вероучения. Он понимал необходимость принятия государствообразующей религии, способной из пестрой мешанины племен и народностей создать единую политическую нацию и, следовательно, государство, способное выступать на международной арене в весомом субъектном качестве. История полностью подтвердила правильность духовного прозрения киевского князя. **В столетия потери государственной независимости православие стало залогом будущего возрождения, позволило Украине сохранить геополитическую перспективу.** Сейчас этот вопрос вновь поставлен в повестку дня государственного строительства, но определенные политические силы жестко блокируют принятие решений, определяющих новую модель государственно-церковных отношений.

Под фальшивым прикрытием конституционной нормы об отделении Церкви от государства проходит легализация совершенно иной схемы – отделения государства от традиционной православной духовности и традиций, выводящих его за рамки европейской ориентации. Даже тот факт, что в большинстве европейских стран законодательно закреплен особый статус традиционных религий, тщательно замалчивается, и усердно пропагандируется именно американская концепция отношений конфессий и государства. Тема, конечно, сложная и неоднозначная, но одно не подлежит сомнению – **государство, лишенное духовных, в первую очередь религиозных, традиций, не защищающее их всеми возможностями аппарата управления, автоматически ставит себя в проигрышные позиции на международной арене.**

Однако даже в иллюзорном пока варианте осознания всем государственно-политическим истеблишментом необходимости возвращения православию его истинной роли государствообразующей и общественно консолидирующей религии не может решиться одними административными мерами. Вопрос уже не стоит в плоскости только чьей-то политической воли, необходимо религиозно-нравственное оздоровление общества в целом, невозможной без выстраивания церковно-государственных отношений на новой основе.

Решение многих проблем заключается во внутреннем понимании силы православия для последовательного реформирования Украины в экономически и политически стабильную страну с действующими демократическими институтами. **И если говорить о стратегии интеграции в евроструктуры, то этот процесс представляется совершенно невозможным без построения новой экономики на основе христианских ценностей, на позиционировании в целом Украины на международной арене именно в качестве христианского государства, одной из важнейших составляющих мировой православной Ойкумены.**

Выдающийся богослов отец Сергей Булгаков в своем исследовании о роли православия в хозяйственном развитии утверждал, что новейшие эффективно действующие экономические модели являются естественным порождением духа христианства, освободившим человечество от языческих оков, вследствие чего он осознал возможности своей свободной воли. Хозяйственный деятель в христианстве определяется его верою, изнутри это бремя должно приниматься для высокого служения, а не эгоистических целей. И этой этики труда не могут заменить ни западно-либеральные, ни лево-радикальные лозунги. Свободная нравственная личность рождается только в христианстве, свободный хозяин появляется только благодаря христианству. Христианство освобождает хозяйственную энергию и одновременно ее этически связывает и регулирует, и свободный хозяйственный труд, вместе с его дисциплиной, дается лишь христианством.

Ущербность заимствования

Не в этом ли кроется суть неудачи «реформаторов» и «прогрессистов», особенно неумных активистов так называемой «евроатлантической интеграции» — в непонимании абсурдности преобразования экономики и построения гражданского общества одними «переведенными» с иностранных образцов схемами, не учитывающими национальные духовно-ментальные традиции? Программа, не основывающаяся в своем содержании на нравственно-религиозном начале, изначально ущербна, а поэтому и неэффективна...

В частности, украинская экономическая модель должна быть не только рыночной и свободной, но и учитывающей вековой опыт развития православного предпринимательства. Аналогично и **внешняя политика будет заведомо неэффективна, если в ее основу не положено понимание позиционирования Украины именно в качестве государства, основанного на фундаменте православной ментальности и традиции.**

На наших глазах происходит процесс возрождения православия во всех регионах Украины, все большее число соотечественников приходит к вере. Нельзя недооценивать огромного внутреннего потенциала веры, и в этом свете поставленная задача не выглядит иллюзорной. В значительно более тяжелые периоды истории у украинского православия хватало сил, чтобы не только самому восстать из пепла, но и спасти Украину — все возможности самостоятельного участия которой в мировой геополитике тогда считались навсегда утраченными.

В главном православном празднике — Святой Пасхе — заключен не только религиозный, но и глубокий государственный смысл. Украина, как государственный организм, уже неоднократно умирала и воскресала, и в начале третьего тысячелетия вновь должно случиться чудо ее воскресения в новом качестве. Православное народное самосознание, при поддержке политиков новой политической формации, должно возродить христианскую мораль общественной жизни и необходимую внешнюю самоидентификацию. Без этого невозможно развитие Украинской державы — равной среди равных европейских христианских государств.

Украине необходимо принять полноценную геополитическую доктрину

В среде политологов и культурологов не первый год обсуждается ряд вопросов, которые на первый взгляд непосредственно не связаны с геополитикой. Но – лишь на первый.

Долгое время политики, эксперты и простые граждане были вынуждены бродить в «трех соснах независимости». И что характерно: эти «сосны» имели одну родовую особенность – «возврат»:

– *возврат к «национальным истокам»;*

– *возврат в «лоно европейской цивилизации»;*

– *возврат к «традициям государственности» времен козачества или Центральной Рады;*

Еще свежи в памяти вдохновленные лица многих известных политиков, которые считали, что ответы на все эти вопросы уже готовы, нужно их лишь найти и «возродить». Вот это-то «возрожденчество» и стало одной из самых опасных иллюзий, которая, к сожалению, не изжита и по сей день.

Казалось бы, ну что здесь такого: немного преувеличили прошлое, немного романтизировали историю и несколько упростили происходящее сегодня. Но в реальной жизни все оказалось намного сложнее и даже трагичнее.

«Возрожденческие» настроения и убеждения породили среди украинских политиков, бизнесменов, гуманитариев потребительское отношение к сегодняшнему дню.

Апеллируя к неким полумифическим историческим предпосылкам, они как бы снимали с себя ответственность за то, что необходимо делать сегодня и сейчас.

Такое потребительское отношение к собственной стране и ее чрезвычайно сложной истории стало одним из наиболее мощных тормозящих факторов внутренних экономических и политических преобразований. Однако значительно более серьезные последствия ожидали Украину на внешнеполитической арене. Порой складывалось впечатление, что Украина относится к сложным интеграционным процессам в мире и в Европе в частности, как к какой-то «манне небесной», которая ниспадет ей лишь за то, что она имеет некие особые «исторические права». А иначе как объяснить тот факт, что зачастую официальный Киев вел себя как обиженный ребенок, который не понимает, почему его желания и намерения не реализуются по первому требованию, и что нужно еще выполнять какие-то политические, экономические и гуманитарные условия. И, в первую очередь, этот тезис относится именно к проблеме европейской интеграции, в которой некомпетентность и маниловщина отечественной дипломатии порой превосходила все мыслимые пределы.

Не менее метаморфозно «возрожденчество» отражалось и на взаимоотношениях Украины со странами постсоветского пространства, в особенности с Россией. Именно Россия и русский народ вольно-невольно оказывались в фокусе претензий на скорую руку созданной украинской «элиты». Наверное, ей («элите») льстил факт того, что в рамках распространенных западных, особенно американских, стереотипов, Россия воспринималась не иначе как «империя», а это выгодно оттеняло собственную лень и бездействие и позволяло много говорить о своих «европейских перспективах» и демократии.

Такую позицию нельзя охарактеризовать иначе, чем «геополитическое иждивенчество». Его суть проста: стремление добиться результата за счет манипуляции символами и «чужими атрибутами», будь то региональный статус страны-соседа или заявленные другими крупные экономические проекты. В этой связи вспоминается горький, но справедливый упрек известного финансового магната Джорджа Сороса, который призвал Украину прекратить

спекулировать на своем геополитическом положении. Такой вот парадокс: спекулянт уличает в спекуляции, и с этим приходится согласиться...

И хотя сегодня об «исторических правах Украины» и о каком-то «предопределении» будущего говорят все меньше, тем не менее окончательно «геополитическое иждивенчество» не изжито. Свидетельство тому – те сценарии геополитического развития, которые «вырастают» из текущих действий и заявлений ведущих украинских политиков и государственных деятелей.

Сценарии развития

Я не могу согласиться с той неразберихой, подчас сознательно культивируемой, которая царит сегодня в геополитической сфере. **Складывается впечатление, что, пользуясь крайне сложной внутривнутриполитической ситуацией, кто-то сознательно толкает государство на малоэффективные, часто – сугубо символические шаги, которые устраивают крупных геополитических игроков, но никак не связаны с интересами самой Украины.**

Отдавая дань «возрожденчеству» и спекулируя на официально декларируемой идеологии Украины как страны европейского выбора, часть политиков пытается реализовать сценарий, который можно условно назвать **«Игрой в противовес»**.

Его суть: учитывая конъюнктуру напряжения, которая наиболее полно была продемонстрирована (точнее – вышла на поверхность) в иракском вопросе, в отношениях между ядром Европы (Германия, Франция) и лидером НАТО (Соединенными Штатами) продолжить заигрывание с Альянсом и сохранить статус «любимого балансира» на ближайшую временную перспективу.

В качестве привлекательного бонуса – новые кредиты по линии МВФ и Всемирного банка, возможно, отдельные преференции на американских рынках сырья. Кроме того, «долгая дорога в НАТО» льстит самолюбию и обеспечивает respectable имидж отдельным политикам, которые считают, что они «уже в Европе». Но угрозы, которые возникают в рамках этого сценария, не могут не настораживать. Этот сценарий лишь усиливает недоверие между Украиной и европейским «ядром». К тому же, Украина оказывается в заведомо проигрышном положении в отношении России и союзных ей стран, поскольку невозможно одновременно быть в нескольких проектах региональной безопасности и кого-то не обмануть. Как правило, самих себя... И последнее – провал иллюзии, связанной с тем, что НАТО – это вовсе не «ворота на Запад», может стать источником мощнейшего внутреннего напряжения и новых социальных разочарований.

Второй сценарий, сценарий **«Двойных стандартов»**, таит не меньшее количество геополитических ловушек. Постоянные заигрывания с НАТО и внешнее единение с Россией одновременно – такая формула кажется универсальной и безобидной. Это проявляется в единовременных, зачастую взаимоисключающих намерениях и действиях, связанных с военно-политическими инициативами, геостратегическим сотрудничеством, заявкой новых крупных проектов развития. В таких обстоятельствах оказываются обезоруженными и сторонники сближения с НАТО в рамках так называемой «евроатлантической интеграции», и сторонники интеграции со странами евразийского континентального пространства во главе с Россией, поскольку обеим сторонам демонстрируется неумеренная активность в нужном направлении.

Но на самом деле в случае дальнейшей реализации такого сценария Украина будет стремительно терять доверие как западных, так и восточных партнеров. С одной стороны, они просто вынуждены в такой ситуации цинично «выбивать» все выгодные экономические проекты и реализовывать открывающиеся возможности в своих геополитических схемах. С их стороны было бы неразумно максимально не использовать такое странное украинское

радушие. С другой – подобная «поливекторность», граничащая со всеядностью, в итоге приведет к очередной волне публичного международного недоверия и даже негласной геополитической изоляции. Можно вспомнить кризисные события 1992-1993 годов, когда метания Украины в вопросах ядерного статуса и выбора приоритетов между США, Европой и новорожденным СНГ привели к неофициальной блокаде и во многом ускорили смену власти в стране. Я не вижу в таком сценарии ни стратегичности, ни конструктивных моделей развития.

В целом, следует обратить внимание на тот факт, что оба перечисленных сценария выглядят крайне неубедительно с точки зрения долгосрочности. К примеру, представляется, мягко говоря, недалеким упорно стучаться в НАТО эдак в 2007-2010 гг., учитывая, что эта организация уже сегодня стоит перед проблемой радикального реформирования и возможных структурных трансформаций. Без преувеличения можно констатировать, что иракский кризис поставил под сомнение перспективы ее дальнейшего существования. Тогда куда стучимся? Что же касается двуличия, то это качество никогда и нигде не вызывало уважения – ни на уровне межгосударственных отношений, ни в межличностных отношениях. Только абсолютные дилетанты могут его считать основным показателем профессионализма дипломатии, в которой ценятся совершенно иные критерии.

Третий возможный сценарий – **«сценарий достаточного изоляционизма»**. Именно о ряде его ключевых аспектов говорилось в геополитических эссе.

Свой путь

Преодолев наследие коммунистической идеологии, мы стали стыдиться некоторых понятий и определений, считая их «отпечатками прошлого». Таким отпечатком для многих, иногда подсознательно, считается наличие совершенно четкой и конкретной доктрины внешней политики. Она в определенных кругах вызывает ассоциации с временами железных наркомов, чем серьезно отпугивает. Кроме того, четкая доктрина ограничивает возможность внешнеполитических пируэтов, которые могут быть выигрышными для отдельных политиков, но губительными для страны в целом. Но оглядываясь на 12 лет независимости Украины, я еще и еще раз убеждаюсь: нам нужна собственная геополитическая доктрина. Не очередная «программа развития отношений», а именно доктрина. И вот с этих позиций я попытаюсь кратко изложить те параметры, которые должны обязательно присутствовать в такой доктрине.

Прежде всего, крайне важно окончательно изжить комплексы, связанные с «возрожденчеством», и освоить новую парадигму – **парадигму созидания**. Нам всем нужно осознать тот факт, что утверждение государства Украина – это новая и уникальная задача. И нам еще только предстоит обеспечить реальный, а не мнимый консенсус в обществе в отношении общих перспектив как страны, как единого народа.

Не «правлящая титульная нация» и меньшинства, и не «украиноязычные» и «русскоязычные», а **единая политическая нация граждан Украины** – вот единственно возможный ориентир, который обеспечит внутреннее единство и целостность. И без осознания этого двигаться вперед просто невозможно, ибо альтернатива – лимитроф, «буферное государство», обреченное на трагическую судьбу пограничной территории.

Я не случайно акцентировал особое внимание на доктрине, основанной на концепции «достаточного изоляционизма». **Необходимость сосредоточиться на решении внутренних проблем, избавиться от непродуктивных мифов – это главная задача дня сегодняшнего**. И она носит практический характер. Продуктивный законодательный процесс, реализация структурных реформ в экономике, реформа армии, утверждение экономических свобод и преодоления сформировавшейся «бюрократической деспотии» (весьма удачное определение Сэмюэля Хаттингтона), которая в полной мере характерна для государственно-

управленческого механизма Украины, свобода слова и укрепление институтов гражданского общества, политико-административная реформа – все это задачи для законодателей, правительства и политиков. И совершенно аксиоматично, что **эти внутренние преобразования тоже являются частью геополитической доктрины, в которой нуждается Украина.**

Многие политики и эксперты удивляются и даже возмущаются тем, что, например, в документах, регламентирующих сотрудничество Украины и Евросоюза, фигурирует много общих политических позиций, касающихся внутренних украинских проблем. Но именно этот факт и подтверждает ту простую истину, что для геополитического проектирования нет разделения проблем на «сугубо внутренние» и «сугубо внешние». Есть проблема развития национального организма и его эффективного «встраивания» в международную систему политических, экономических и социокультурных координат.

Следующий обязательный компонент национальной доктрины – определение той геополитической оси, своеобразного «зонта», который способен обеспечить устойчивость развития украинского государства, его возможность на практике реализовывать крупные геоэкономические проекты. Я настаиваю на том, что такой осью должна стать ось «Берлин-Москва-Киев», и в перспективе – «Париж-Берлин-Варшава-Киев-Москва» с включением православного пояса на Балканах. Такая стратегическая конфигурация интересов может стать своеобразной «несущей конструкцией» двух крупных макрорегиональных зон – европейской и евразийской, и позволит создать условия для институционального сближения этих макрорегионов на уровне региональных организаций, избежать появления в едином континентальном организме «разделительных линий». Кроме того, такая «ось стабильности» обеспечит и условия для поддержания межрегиональной безопасности в полном объеме.

Национальная выгода от включения в эту геостратегическую конструкцию также очевидна: Украина из «государства-посредника» превращается в полноправное «государство оси». Учитывая индустриальный, демографический и географический потенциал Украины, мы можем реально рассчитывать на реализацию целого комплекса евразийских коммуникационных проектов (напомню о развивающемся диалоге-форуме «Европа-Азия», развитие которого сдерживается сегодня лишь кризисом атлантической конструкции Запада). Именно в этом ключе я рассматриваю и историческую миссию движения «В Европу – вместе с Россией». Именно Россия является естественным и главным стратегическим партнером и, если хотите, единомышленником Украины в вопросе нового переустройства континента. Если, конечно, украинские политики перестанут играть в чужие и маловразумительные игры. Поэтому важно также учесть, что **будущая доктрина должна содержать и своеобразный «панъевропейский проект».** О чем речь?

Сейчас уже очевидно, что десятилетие бессодержательного «стука в двери» Европы лишь отделили нас от европейского сообщества. Мы говорим об этапах интеграции, тогда как страны Евросоюза уже готовы обсуждать проект единой европейской Конституции. И пусть срок появления такого эпохального международно-правового документа еще не близок, но мы отстаем уже сегодня.

С другой стороны, **Украина должна сама сформулировать ту континентальную модель, в которой будет учтена и ее европейская перспектива, и ее жизненные интересы в евразийском регионе.** Оптимально, что такой моделью может быть система макро- и субрегиональных межгосударственных организаций, сотрудничающих в рамках единого проекта континентальной торговой зоны. И если сегодня такая идея кажется фантастической, то через десятилетие сотрудничество нескольких крупных региональных структур на континенте будет очевидным фактом. Вопрос в том, не пропустит ли Украина и этот «поезд глобалистики»...

Я также убежден в том, что фундаментальное значение для геополитической доктрины имеет социокультурное самоопределение. Считаю, что фактором самоидентификации должна оставаться христианская культура как духовный стержень развития и основа для внутрисоциального примирения и стабильного развития. Каноническое православие является, несмотря на десятилетия беспрецедентных атеистических гонений, самой влиятельной духовной силой в нашем обществе, имеет глубочайшие духовно-ментальные корни в отечественной истории. Без опоры на него, как стержневой элемент общественного и государственного развития, Украина не имеет сколько-нибудь приемлемой геополитической перспективы субъектного развития.

И в заключение. Очень надеюсь на то, что предлагаемая геополитическая доктрина Украины будет одобрена на государственном уровне, а также поддержана политиками, экспертами, общественностью, и получит полноценный вес и статус национальной. Это будет означать, что мы смогли заглянуть в будущее, обрели уверенность в дне сегодняшнем и, наконец-то, преодолели все комплексы прошлого. Я на это надеюсь и верю.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Малинкович:

Пристальный взгляд сквозь призму геополитики 5

Предисловие 17

Геополитические эссе

Формула стабильности 25

Реалии и приоритеты 45

Достаточный изоляционизм 59

Европейский выбор Украины 77

Атакуемый суверенитет 91

Украинская Швейцария 103

Балканский синдром 117

Внеплановая прививка 131

Уроки черного декабря 145

Православие и геополитика Украины 155

Путь созидания 169

Андрей Леонидович Деркач

ДОСТАТОЧНЫЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ
Сборник геополитических эссе

Художественное оформление и верстка
Борис Хлобыстов

Корректоры: Неонила Парийская, Марина Дубко

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Жени Савилова, архива газеты «Кіевскій телеграфЪ», агентства УНИАН

Формат 70x90 ¹/₃₂. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Зак. №63

ЗАО Информационно-издательская группа «ТелеграфЪ»
01004, Киев-4, ул. Большая Васильковская 24/1

Отпечатано в типографии "Алекс-принт" (ЧП Зоценко).
Адрес: г.Киев, ул. Гонты, 3-А. Тел.: 241-91-47, 495-16-00